Татьяна

Корсакова

ПЕЧАТЬ ВАСИЛИСКА

ЛЮБОВНЫЙ АМУЛЕТ

Любовный амулет

Татьяна Корсакова

Печать Василиска

«Автор»

2010

Корсакова Т. В.

Печать Василиска / Т. В. Корсакова — «Автор», 2010 — (Любовный амулет)

ISBN 978-5-699-40165-9

В имение «Полозовы ворота» Алю пригласил родной дед, о существовании которого молодая женщина и не подозревала. Она воспитывалась в детдоме и поэтому очень обрадовалась появлению родственника. Кстати, чрезвычайно своевременному – ей как раз необходимо спрятаться и затаиться. Однако, попав в имение, Аля понимает: что-то здесь не чисто. В этих краях существует легенда о пробуждении Василиска, который явится затем, чтобы забрать причитающееся ему. Неужели дед пригласил к себе внучку с какой-то тайной целью?..

ISBN 978-5-699-40165-9

© Корсакова Т. В., 2010
© Автор, 2010

Татьяна Корсакова
Печать Василиска

Пусть на рассвете туманно —
Знаю – желанное близко…
Видишь, как тает нежданно
Образ вдали Василиска?
Пусть всё тревожно и странно…
Пусть на рассвете туманно —
Знаю – желанное близко…

Андрей Белый

Рейсовый автобус, старенький и пыльный, сварливо дребезжащий на каждом ухабе, издал натужный стон и остановился аккурат в центре здоровенной лужи. Аля едва не застонала: отчасти из-за подкатывающей к горлу тошноты, отчасти от безысходности. Все, мосты сожжены, назад дороги нет. Дорога только вперед – в светлое будущее. А то, что будущее начинается в бурой дождевой жиже, еще не самая большая проблема, видывала она проблемы и пострашнее.

– Станция Полозовы Озера! Конечная! – сообщил водитель, маленький, вертлявый мужичок в грязной, а местами даже рваной тельняшке. – Вылазь давай, краля! Приехали! – добавил он и подмигнул Алевтине, удостоил, так сказать, высокой чести.

Аля отвечать на заигрывания не стала, вытащила из-под пассажирского сиденья дорожную сумку, одернула футболку и посторонилась, пропуская спешащую к выходу странную парочку.

Дядька средних лет с внушительным брюшком и купидоновскими кудряшками, обрамляющими блестящую от пота лысину, отдуваясь и вполголоса чертыхаясь, волок по проходу здоровенный чемодан. Чемодан сопротивлялся изо всех сил, цеплялся колесиками за ножки сидений, оставлял на грязной резине пола белые дорожки. Следом за дядькой, с видом в равной степени брезгливым и отстраненным, вышагивала мадам, одетая едва ли не по последней парижской моде. Мадам была статной, высокой, еще достаточно молодой и привлекательной. Такой бы разъезжать не в рейсовой колымаге, а на собственном «Ягуаре» или, на худой конец, «Порше». Да и в этом медвежьем углу ей делать нечего. Баден-Баден, Рим, Венеция – это да, это гармонично и вполне естественно для женщины, сошедшей с обложки модного журнала, но деревенька с романтичным названием Полозовы Озера…

– Вадик, аккуратнее, – мадам мазнула по Алиному лицу равнодушным взглядом и носком изящной туфельки отбросила со своего пути кусок надорванной и изрядно потоптанной газеты. – Я этот чемодан в Милане покупала, не вздумай его поцарапать.

Аля усмехнулась, значит, не ошиблась она насчет Баден-Бадена. Мадам – птица высокого полета, у нее чемодан небось стоит больше, чем весь этот несчастный автобус.

– Не волнуйся, дорогая, – дядька поднапрягся и вытащил-таки чемодан на середину прохода, – все будет в лучшем виде.

– В лучшем виде! – Мадам обмахнулась свежим журналом «Вог» и подняла глаза к потолку, красноречиво давая понять всем присутствующим, как ей все это провинциальное безобразие тяжело и неприятно.

В каком-то смысле Аля была с ней солидарна. Населенный пункт Полозовы Озера вызывал и в ее душе бурю протеста, но, в отличие от мадам, ей выбирать не приходилось.

– Выходим, выходим! Поторапливаемся! – прикрикнул водитель, закуривая папиросу.

От поплывшего по салону вонючего табачного дыма вернулась отступившая было тошнота. Аля торопливо достала из кармана джинсов мятный леденец, сунула его за щеку. Вот что ни говори, странный у нее организм: когда сама за рулем, то ни о какой тошноте речь не идет, но

стоит только пересесть на общественный транспорт, как тут же начинает укачивать. От воспоминаний о маленькой и юркой «Мазде», брошенной на произвол судьбы посреди чистого поля, на глаза навернулись слезы. Совершенный Алей поступок был равносилен предательству, но по-другому никак. По-хорошему машинку стоило бы утопить или сжечь, чтобы окончательно замести следы, но совершить такое святотатство рука не поднялась. Предательство еще куда ни шло, но убийство…

– Что это? – От невеселых мыслей Алю отвлек возмущенный голос мадам. – Отгоните немедленно свою колымагу на нормальную дорогу, здесь же воды по колено! Вадик, не смей лезть в эту лужу! Еще, не дай бог, чемодан утопишь!

А, вот, значит, она о чем – о луже! И снова Аля была с мадам солидарна. Форменное безобразие эта лужа.

– А ты не командуй! Раскомандовалась здесь! – беззлобно огрызнулся водитель и сплюнул в открытое по случаю жары окошко. – Видишь, – он указал заскорузлым пальцем куда-то вдаль, – написано: «Остановка». Стало быть, я правильно тормознул, а останавливаться в неположенных местах мне не дозволено. Меня, между прочим, оштрафовать могут за нарушение правил дорожного движения.

– Да кто тебя, козла немытого, оштрафует?! – А мадам, оказывается, умеет и по-простецки разговаривать, на одном языке с массами. – Да в этом вашем Мухосранске про правила дорожного движения, поди, и не слыхали.

– Это у вас там Мухосранск, – обиделся за малую родину водитель, – а у нас здесь места цивилизованные, туристические.

– Откатывай свою колымагу! – мадам угрожающе взмахнула свернутым в трубочку «Вогом».

Стоящая у двери щупленькая бабулька испуганно ойкнула, перекрестилась, а потом с укором посмотрела на водителя и сказала:

– Совсем ты, Ванька, совесть потерял. Что ж ты над людями-то издеваешься? Вот я как твоей Зинке пожалуюсь, уж она тебя научит правилам дорожного движения!

Удивительное дело, но бабульку водитель послушался, в сердцах отшвырнул недокуренную папиросу и завел мотор. Правда, новое место парковки оказалось не многим лучше старого: теперь вместо лужи прямо перед открытыми дверями красовалась коровья лепешка. Привычных к подобному натурализму аборигенов лепешка не смутила, а вот мадам сельская экзотика пришлась не по нраву. Наверное, она бы продолжила пререкаться, если бы ее спутник не взмолился:

– Эллочка, солнце мое, я тебя прошу!

Эллочка картинно вздохнула, достала из ридикюля носовой платок, поднесла к носу и, зажмурившись, как перед прыжком с парашютом, переступила через лепешку. Аля спрыгнула следом, бухнула сумку на плавящийся от полуденной жары асфальт, смахнула со лба капли пота и огляделась.

Населенный пункт Полозовы Озера являл собой типичную для российской глубинки картину. Покосившиеся, вросшие в землю едва ли не по самые окна домики смотрели на окружающий мир уныло, стыдливо прикрывались кустами цветущей сирени, а кое-где угрожающе щетинились самодельными антеннами. Посреди выложенного потрескавшимися от времени бетонными плитами маленького пятачка, аккурат перед приземистым двухэтажным зданием с гордой табличкой «Сельский совет», красовался загаженный голубями бюст Владимира Ильича. Чуть правее находилось средоточие деревенской жизни – магазин. На скамеечке перед ним вели какой-то неспешный разговор местные аксакалы. У их ног деловито сновали туда-сюда рыжие в крапинку куры. Пасторальную картинку довершала точно сошедшая с экрана бричка, запряженная маленькой гнедой лошадкой. Лошадка тихо пофыркивала, мотала голо-

вой, отгоняя назойливых мух, шлепала губами и пыталась дотянуться до островка выбивающейся из-под бетона травы.

Аля с удовольствием полюбовалась бы всей этой красотой, если бы не мучивший ее вопрос. В своем последнем письме дед пообещал, что в Полозовых Озерах ее непременно встретят, но в пределах видимости не было ни одной машины. Может, встречающий опаздывает? Это ж в городе время на вес золота, а тут, у истоков, все совсем по-другому.

Аля собралась было присесть здесь же, на завалинке, когда позади что-то громыхнуло и заревело – рейсовый автобус тронулся в обратный путь. Все, теперь мосты точно сожжены, больше на сегодня в райцентр рейсов не будет, Аля специально уточняла на автовокзале, и если за ней так никто и не приедет, то придется как-то выживать до следующего вечера.

Ну и пусть! Ей не привыкать выживать в условиях, близких к экстремальным. Не это страшно. Страшно, что, если единственная ниточка, дававшая ей надежду на будущее, вдруг сейчас оборвется, на собственной непутевой жизни можно ставить крест, потому что бежать ей больше некуда, да и сил больше никаких нет бегать.

– Доброго здоровьечка! – кто-то бесцеремонно дернул Алю за рукав. – Это ж вы Алевтина?

Встречающий! Ну слава богу! Аля обернулась, да так и застыла с открытым ртом. Встречающий, если, конечно, это он, оказался персонажем до крайности колоритным. Высокий, худой, нескладный, с лицом, по которому определить возраст не представлялось никакой возможности, он смотрел на Алю ясными васильковыми глазами и безмятежно улыбался. Так улыбаться могут только дети и… душевнобольные. Догадку о психическом нездоровье незнакомца подтверждала и его более чем странная экипировка: галифе с красными лампасами, криво подпоясанная армейским ремнем ветхая гимнастерка и лихо сдвинутая на макушку фуражка. В руках он держал тоже что-то милитаристское: не то патронташ, не то планшетную сумку, Аля в таких вещах была несведуща, поэтому с ходу определить сущность данного предмета затруднялась.

– Я говорю, здрасти вам! – мужчинка улыбнулся и взял под козырек. – Я говорю, вы Алевтина? – Он подался вперед, внимательно всмотрелся в Алино лицо.

– Я, – она на всякий случай отступила на шаг. Мало ли что у этого ненормального окажется в торбе.

– Очень приятно! А я товарищ Федор! – мужчинка протянул ей руку.

Ладонь была мозолистой и не слишком чистой, поэтому пожала ее Аля с опаской и едва удержалась от того, чтобы вытереть руку о джинсы.

– Федор?

– Не Федор, а товарищ Федор, – мягко поправил ее собеседник и полез в свой патронташ. – Вот тут у меня и документик имеется. Полюбопытствуйте!

Документиком оказалась узкая книжица с тисненной золотом надписью «Удостоверение», на развороте которой была наклеена распечатанная на принтере фотография штурмбаннфюрера Штирлица и неловким детским почерком выведено: «Таварищ Федор. Дварецкий из Полозовых ворот». Значит, вот какой у деда помощник – таварищ Федор, дварецкий… Аля вздохнула, вернула документик владельцу и спросила с надеждой:

– А Игнат Петрович случайно не приехал?

– Не, – товарищ Федор покачал головой, – хозяин из поместья выезжать не любит. По надобностям в деревню меня или Марью Карповну посылает. Вот и сейчас велел вас встретить. Поехали, что ли?

– На чем? – Алевтина отступила еще на шаг. Еще не хватало, чтобы этот полоумный сел за руль.

– Так на Звездочке! – товарищ Федор мотнул головой в сторону припаркованной у магазина брички. – Я всюду на Звездочке ездию. Она очень умная, все-все понимает.

Не успела Аля опомниться, как он сунул пальцы в рот и округу огласил залихватский разбойничий свист.

– Федька, вот скаженный! – давешняя бабулька снова перекрестилась и погрозила Алиному провожатому кулаком: – Ты что хулиганишь?! Гляди, курей мне всех распугал, ирод!

Товарищ Федор на бабулькину гневную отповедь никак не отреагировал. Наверное, потому, что все его внимание было занято умной и все понимающей лошадкой Звездочкой, которая притрусила к нему резвой рысью и сейчас ласково терлась башкой о патронташ.

– Сладости любит до зарезу, – товарищ Федор потрепал лошадку за ухом, а потом с надеждой посмотрел на Алю: – У вас сладостей нету?

– Только мятные леденцы, – сказала она растерянно. – Пойдет?

Товарищ Федор кивнул так энергично, что фуражка едва не слетела на землю:

– Давайте леденцы! Конфеты Звездочка особенно уважает.

Конфет набралось аж четыре штуки. Аля сняла с них обертки, выложила на ладонь и с опаской протянула лошадке. Та покосилась на нее черным с поволокой глазом, а потом бархатными, чуть влажным губами деликатно смахнула с ладони угощение.

– Все, теперь она ваша навеки, – радостно сообщил товарищ Федор. – Теперь вы на ней тоже можете ездить, где захотите.

– Так, может, давай уже поедем? – предложила Аля, косясь на дореволюционную бричку.

– Так поедем! Конечно, поедем! – товарищ Федор чмокнул Звездочку в лоб, проворно вскарабкался на козлы, протянул Але руку: – Давайте, хозяйка, залазьте!

Хозяйка… Какая ж она хозяйка? Она так, не пойми кто: не то хозяйская гостья, не то хозяйская родственница. Слишком уж все неожиданно и запутанно.

Аля забралась в бричку, пристроила сумку под обтянутой зеленым сукном лавкой, обеими руками вцепилась в борта повозки. Еще ни разу в жизни ей не доводилось ездить на таком экзотическом виде транспорта. Может, зря она скормила все леденцы Звездочке? Вдруг, не ровен час, укачает.

Опасения ее оказались напрасными. Ехать в бричке было комфортно и даже приятно, намного приятнее, чем в воняющем махоркой и бензином рейсовом автобусе. И даже мерное бубнение товарища Федора совсем не раздражало. Аля присмотрелась повнимательнее и вдруг поняла, что товарищ Федор еще совсем молодой, может, даже моложе ее. Просто из-за нечесанности да неухоженности кажется гораздо старше своих лет. А может, и болезнь как-то сказывается.

* * *

Бричка тихо-мирно катилась по проселку, а Аля, успевшая рассмотреть спутника в малейших деталях, переключилась на окружающий ландшафт. Пейзаж разнообразием не поражал, но выглядел весьма мило: заливной луг с одной стороны и редкий березовый лесок с другой. Сначала лес был просто лесом, но чем дальше они отъезжали от Полозовых озер, тем больше и больше местность оправдывала свое название. Все чаще и чаще между деревьями поблескивала вода, а зелень, и без того буйная, сделалась еще пышнее.

Аля свесилась с брички, сорвала сочную травинку и спросила:

– Это что, болото или озеро?

Товарищ Федор посмотрел в ту сторону, куда она указывала, и, пожав плечами, сказал:

– Так и то, и другое. Тут же места такие… мокрые, кругом вода. Есть озера, есть болота, а есть даже топи. Тут чужих знаете сколько попропадало? Только на моей памяти человек тридцать. Как ушли на озера, так и сгинули.

– А местные не пропадают?

– Так а чего ж местным-то пропадать? – удивился товарищ Федор. – Местные здесь все хорошо знают. Знают, куда соваться нельзя.

– А куда соваться нельзя? – Аля всмотрелась в мелькающую за деревьями воду. Вода была черной и лишь кое-где отсвечивала серебром.

– Дык много куда. – Чувствовалось, что товарищу Федору разговор то ли неприятен, то ли неинтересен. Он помолчал, легонько стегнул Звездочку ивовым прутиком и заговорил: – На Настасьину топь соваться нельзя, еще на Мертвое озеро.

Настасьина топь, Мертвое озеро – названия-то какие, аж мурашки по коже. Аля невольно поежилась.

– Эй, – она осторожно тронула паренька за рукав, – а что это за Настасьина топь такая?

– Да так, – товарищ Федор неопределенно взмахнул прутиком, – место одно нехорошее. С виду лужайка, а как ступишь на такую лужайку, так тебе и конец.

– Почему конец?

– Потому что не лужайка это, а трясина. И глазом моргнуть не успеешь, как засосет.

– А почему она Настасьина?

– Потому что в ней Настасья, дочка тутошнего помещика, утопла. Говорили, что батька хотел ее силой замуж выдать, уже вез к жениху на смотрины, а она возьми да и убеги, – товарищ Федор нахмурился. – Ну, батька, ясное дело, за ней вдогонку бросился и уже почти догнал, да только Настасья в трясину угодила, прямо у него на глазах.

– И что? – шепотом спросила Аля.

– А ничего, батька ей условие поставил: или она его воле подчинится и замуж выйдет за нелюбимого, или потонет в трясине.

– А она?

– А она отказалась, смерть мученическую приняла, прямо на глазах у родного отца, а напоследок успела ему шепнуть кое-что.

– Что шепнуть? – Аля аж травинку выронила от напряжения. Интересно же, чем дело кончилось.

– Шепнуть? – товарищ Федор посмотрел на нее своими васильковыми глазами. Смотрел долго-долго, Але аж не по себе стало от этого его странного взгляда, захотелось спрыгнуть с брички и бежать со всех ног. Да хоть на ту же Настасьину топь, лишь бы подальше от этого ненормального. – Так никто ж не знает, что она бате своему шепнула, – товарищ Федор улыбнулся, – они ж на болоте одни были.

Аля шумно выдохнула. Вот тебе и сказочке конец, а кто слушал – молодец. И в чем мораль этой страшилки, если неясно, чем дело кончилось?

– Только вот… – товарищ Федор почесал за ухом черенком прутика, – только с тех пор, как Настасья потонула, род Бежицких оскудел и чуть не перевелся, а на топи с тех пор в полнолуние начал Настасьин призрак являться, женихов на дно болотное утаскивать.

Про призрак несчастной Настасьи Аля пропустила мимо ушей, гораздо более интересной ей показалась другая информация – о роде Бежицких. Фамилия ее новообретенного деда была Бежицкий. Это что же значит? Значит, он потомок того самого жестокосердного батьки, утопившего в болоте своенравную дочку? И она, Аля, стало быть, тоже в некотором роде потомок? Хорошая же у нее родословная, ничего не скажешь…

Несколько минут ехали молча. Звездочка тихо всхрапывала, в ветвях деревьев щебетали невидимые пичужки, в высокой, по пояс, траве стрекотали кузнечики, а товарищ Федор на удивление чистым и звонким голосом затянул какую-то лиричную песню о безответной любви. Аля дослушала песню до конца и, лишь когда в подрагивающем от жары воздухе истаяла последняя нота, спросила:

– А что насчет Мертвого озера? Почему оно мертвое?

– Озеро? – товарищ Федор поправил ремень. – Так потому мертвое, что не водится в нем ничего.

– Совсем-совсем ничего?

– Совсем-совсем. Ни рыба, ни даже лягушки.

– А почему?

– Потому что вода в нем мертвая, как же непонятно?! – удивился товарищ Федор.

Да уж, чего тут непонятного?! Озеро мертвое, потому что не водится в нем ничего. А не водится ничего, потому что вода мертвая. Жаль только, что это ровным счетом ничего не объясняет. Ладно, может, кто-нибудь более сведущий в этих вопросах растолкует ситуацию. Может, даже дед.

– И где они? – спросила она напоследок.

– Кто – они?

– Ну, топь эта и озеро Мертвое. Далеко отсюда?

– Недалеко, – товарищ Федор надвинул фуражку на самые глаза. – Топь вот уже начинается, – он махнул рукой влево от дороги.

Аля присмотрелась: лужайка как лужайка, деревца даже имеются, а воды никакой не видно. Точно, что ли, топь?

– А озеро?

– А озеро сейчас сами увидите, скоро уже.

Точно в подтверждение его слов, проселок резко свернул вправо, нырнул в густую тень от кряжистых вековых лип. Сразу стало прохладнее, потянуло свежестью, запахло водой. Обычно так пахнет у реки, но тут не река, тут озеро, да еще и мертвое.

– Вот и поместье! – сообщил товарищ Федор и на радостях подбросил в воздух фуражку.

Фуражка закончила свой полет бесславно – повисла на липовой ветке, но товарищ Федор не расстроился, хитро посмотрел на Алю, попросил:

– Хозяйка, там у вас под лавкой палочка. Вы б мне ее подали, а?

Палочка оказалась алюминиевой трубкой, складывающейся наподобие телескопической антенны.

– Это? – Аля протянула товарищу Федору трубку.

– Она самая! – он ухватился за толстый конец трубки и ловко – чувствовалось, что манипуляция производится не в первый раз, – смахнул на землю головной убор.

Из-за хлопот с фуражкой сам дом Аля заметила не сразу, а как увидела, не поверила своим глазам. Честно говоря, когда товарищ Федор называл дом поместьем, да еще и именовал его гордо и весомо «Полозовы ворота», она представляла себе что-то достаточно внушительное, возможно даже двухэтажное, но действительность превзошла самые смелые ожидания. Дом и в самом деле оказался поместьем, причем поместьем огромным, с двумя этажами, массивными колоннами и раскинувшимися по бокам от центрального входа боковыми крыльями. Стены первого, а кое-где и второго этажей обвивал дикий виноград, из-за этого дом был похож на средневековый европейский замок. В общем, увиденное производило очень сильное впечатление.

Звездочка радостно всхрапнула, ускорила шаг и весело зацокала копытами по мощенной красными камнями подъездной аллее.

– Уже скоро! – товарищ Федор приосанился, поправил ремень. – Красиво тут у нас, правда?

– Красиво, – Аля рассеянно кивнула.

Стоило бы как-то развить мысль, похвалить архитектуру и красоты здешней природы, но внимание девушки привлек расположенный напротив парадного входа фонтан. Наверное, в стародавние времена он являл собой внушительное зрелище, сейчас же судить о былом великолепии можно было лишь по полуразрушенной скульптурной композиции, производящей

на неподготовленного зрителя жуткое впечатление. Обнаженная девушка билась в объятиях гигантского змея. Раздвоенный язык твари петлей захлестывался на тонкой девичьей шее, а длинный черный хвост обвивал щиколотки. Из-за временных катаклизмов, а может, и из-за происков вандалов у девушки практически не осталось лица, а правая рука была отломана по локоть. Зато чудище сохранилось намного лучше: чешуя на черных мраморных боках лоснилась, а увенчанный острым шипом кончик хвоста, казалось, нетерпеливо подрагивал.

– Что это? – ежась от отвращения, Аля кивнула на фонтан.

– Это еще от прежних хозяев осталось, – товарищ Федор взглянул на фонтан лишь мельком и тут же отвернулся. – Это статуя, – добавил, немного помолчав.

– А что за зверь такой? – смотреть на чудище не хотелось не только ей, но и Звездочке. Лошадка огибала фонтан по большой дуге и, как показалось Але, нервно прядала ушами.

– Это не зверь, это Василиск, – товарищ Федор натянул поводья, притормаживая Звездочку аккурат перед разверстой каменной пастью, – полоз по-нашенскому.

Полоз, значит? Вот откуда все эти диковинные названия: Полозовы озера, Полозовы ворота. Все из-за этой хвостатой твари, оккупировавшей подступы к дому. И куда только хозяева смотрят? Будь Алина воля, она бы этот «шедевр» сровняла с землей, чтобы даже следов не осталось. Зачем же жуть такую во дворе держать?

Звездочка испуганно покосилась на Василиска и потрусила к дому, но, даже когда фонтан остался позади, Аля не смогла вздохнуть с облегчением – спину сверлил недобрый взгляд каменной твари.

Вблизи дом уже не казался таким величественным и монументальным. Скорее наоборот: мраморные ступени парадного входа раскрошились, дикий виноград маскировал пожелтевшую и местами облупившуюся краску, оконные рамы просели и покосились, а лак на огромных дубовых дверях почернел от времени. Новыми и ухоженными казались лишь начищенные до блеска медные дверные ручки в виде змеиных голов. Вообще, как успела заметить Аля, у здешних хозяев всякие ползучие гады находились в особой чести. Вон и на стенах барельефы со змеями и прочей земноводной нечистью, словно ничего краше придумать нельзя.

– Вот мы и дома! – товарищ Федор соскочил с брички. – Хозяин, наверное, уже заждался. Еще ругаться станет, что я вас долго вез, – он просительно посмотрел на Алю, робко улыбнулся. – Вы бы ему сказали, что автобус опоздал. Вам он поверит.

– Скажу, не волнуйся, – Аля кивнула.

Товарищ Федор обрадовался, притопнул ногой в кирзовом армейском сапоге, крутнулся вокруг своей оси – сущий ребенок, честное слово.

– А что, хозяин очень строгий? – спросила Аля, выбираясь из брички.

Интересно же, какой прием ее ждет в этом странном доме. Из переписки многого о человеке не узнаешь, а дед и в письмах был немногословен, о себе практически ничего не рассказывал, все больше расспрашивал об Алином житье-бытье. А самой вопросы задавать было как-то неловко, да и недосуг – слишком все неожиданно случилось, слишком быстро завертелось.

– Строгий, – товарищ Федор насупился, шмыгнул носом, но тут же расплылся в улыбке и добавил: – Только лучшего хозяина мне все равно не сыскать. Он меня дебилом никогда не называет и на Двадцать третье февраля завсегда подарки дарит. Вот портупею видите? – парнишка поправил ремень. – Это все он, хозяин, мне подарил. А на Новый год обещал настоящий «наган», как в музее в райцентре.

– Зачем же тебе «наган»? – улыбнулась Аля.

– Так это… чтобы защищаться.

– От кого?

– От него, – товарищ Федор торопливо оглянулся по сторонам и перешел на заговорщицкий шепот: – В деревне говорят, он снова проснулся, говорят, тетки Авдотьи корову сожрал с потрохами.

– Кто – он? – несмотря на полуденную жару, по спине пробежал холодок.

– Так полоз! Ну тот, который Василиск, – парнишка махнул рукой в сторону фонтана. – Он проснулся и голодный.

– Этот, что ли, Василиск? – Аля тоже посмотрела на фонтан. – Товарищ Федор, он же не настоящий, сам же говорил – скульптура.

– Эх, хозяйка, – товарищ Федор посмотрел на нее с укором. – Я ж не совсем дурачок, понимаю, где скульптура, а где живой Василиск. Я о настоящем, том, что в озере живет.

– В каком озере? – холод добрался до позвоночника, впился ледяной спицей – ни вдохнуть, ни выдохнуть.

– Говорят, следы его видели у Русалочьего озера и на Настасьиной топи, но вообще-то Василиск в нашем озере живет, в Мертвом.

– А как же он тогда в Русалочье озеро попал? – Все-таки красивые в здешних местах названия, поэтичные. И фольклор, по всему видать, богатый…

Товарищ Федор помолчал, собираясь с мыслями, а потом сказал:

– Тут все озера между собой соединяются подземными ходами, а Русалочье с нашим так особливо. В позапрошлом годе Сидор Петрович на том берегу русалку видал, а всем известно, что русалки только в одном озере водятся, потому оно и Русалочье. А в наше заплывают по подземным ходам только в определенные дни.

– Зачем?

– Так Василиску колыбельную спеть, – товарищ Федор посмотрел на Алю так, точно она задала до крайности глупый вопрос. – Если бы русалки ему колыбельные не пели, он бы намного чаще просыпался.

– И зачем он просыпается? – Ну до чего ж интересные истории! Вот, наверное, фольклористам здесь раздолье.

– Просыпается? – взгляд товарища Федора сделался отсутствующим, как тогда, когда речь зашла о судьбе несчастной Настасьи. – Он просыпается, потому что…

– …Федор, немедленно прекрати!

От резкого оклика Аля вздрогнула, торопливо обернулась. За разговорами о Василиске и русалках она и не заметила, что парадная дверь дома распахнута настежь, а на дорожке всего в нескольких метрах от нее стоит статная седовласая женщина. Она бросила хмурый взгляд на товарища Федора и тут же приветливо улыбнулась Але. В строгом брючном костюме, с тщательно уложенными волосами и неброским маникюром, выглядела она в равной степени стильно и странно для этого богом забытого места, где самым оптимальным транспортным средством является лошадка Звездочка, а легенды об озерных тварях звучат так реалистично, что в них невольно хочется верить.

– Ну наконец-то, Алевтина! – она шагнула навстречу Але. – Мы с Игнатом Петровичем уже волноваться начали, думали, не дай бог, что-то случилось, а вас, оказывается, Федор сказками о Василиске потчует, вместо того чтобы в дом вести.

От этих слов товарищ Федор испуганно втянул голову в плечи, умоляюще посмотрел на Алю.

– Автобус опоздал, – вспомнила она о данном обещании. – А о здешних чудах-юдах я сама его расспрашивала. Очень все это интересно.

– Интересно, – женщина кивнула, – но о местных фольклорных достопримечательностях можно поговорить и в более комфортных условиях. – Она на секунду замолчала, а потом продолжила уже совсем другим, полуофициальным тоном: – Алевтина, прошу меня извинить, из-за всех этих волнений я совсем забыла представиться. Знаменская Елена Александровна, секретарь вашего деда и по совместительству экономка. Ну, добро пожаловать в Полозовы ворота! – она раскинула руки, точно собиралась заключить Алю в объятия, но ограничилась лишь рукопожатием.

Ладонь у Елены Александровны была узкой и прохладной, на среднем пальце Аля успела заметить золотое колечко в виде змейки. И тут змеи…

– Ну что же мы стоим?! – женщина всплеснула руками. – Федор, бери вещи, неси в дом! – скомандовала она.

– Так Звездочку ж надо в конюшню, – попытался было возразить тот, но под строгим взглядом управляющей замолчал, покорно подхватил с земли Алину сумку и побрел к дому.

– Непослушный, – Елена Александровна проводила товарища Федора взглядом, – никогда не делает то, о чем его просят, всегда надо повторять по нескольку раз. И фантазер. Я вижу, уже успел напугать вас своими россказнями о болотном змее? – она перевела взгляд на Алю.

– Да я как-то не очень испугалась, – Аля улыбнулась. – Наоборот, столько всего интересного. Русалки, Василиск…

– Было бы интересно, если бы он не рассказывал все эти побасенки по сто раз на дню, – Елена Александровна раздраженно махнула рукой. – Причем, заметьте, события минувших лет в его интерпретации всякий раз приобретают новое звучание. Про Настасью-утопленницу он вам уже успел поведать?

– Успел, – Аля кивнула.

– Ну, значит, теперь вы знакомы со всеми представителями здешнего потустороннего мира, осталось только повстречаться с ними лично. – Елена Александровна улыбнулась какой-то странной, ускользающей улыбкой.

– В каком смысле – повстречаться лично? – спросила Аля, глядя поверх плеча управляющей на распахнутые парадные двери, где в густой темноте мелькнула и исчезла полупрозрачная белая фигура.

– Да глупости все это, Алевтина! – Улыбка управляющей сделалась холодной и напряженной. – Просто согласно легенде призрак Настасьи-утопленницы до сих пор обитает в Полозовых воротах.

Вот те раз! Только призрака ей для полного счастья не хватало. И за дверью что-то мельтешит непонятное, на человека не слишком-то и похожее.

– Так Настасья же, кажется, на топи появляется. – На память пришел рассказ товарища Федора.

– На топи она появляется в полнолуние, а в остальное время живет в поместье, – Елена Александровна продолжала улыбаться, но глаза и голос ее при этом оставались совершенно серьезными. – Но вы, Алевтина, не бойтесь. Настасья – это, можно сказать, фамильное привидение, домочадцев и прислугу оно не трогает.

– И вы ее видели? – Аля опять почувствовала тот самый неприятный холодок. – Эту Настасью-утопленницу?

Вместо ответа Елена Александровна рассмеялась. Смех у нее был звонкий, девичий, никак не вяжущийся с морщинистым лицом и совершенно седыми волосами.

– Да бог с вами, Алевтина! – сказала она, отсмеявшись. – Неужели вы поверили во все эти сказки?! Нет никаких призраков!

Значит, все-таки призраков нет! Позвоночник, который уже почти заледенел, начал медленно оттаивать. Это хорошо, что нет, потому что жить под одной крышей с привидением как-то не очень хочется. Да еще на берегу Мертвого озера, в котором водятся русалки и мифический змей. А фигура в белом ей скорее всего примерещилась. Устала Аля с дороги, растерялась. И рассказы товарища Федора сделали свое черное дело, заставили поверить во всякую чертовщину.

– Алевтина, – на плечо легла прохладная ладонь, кожу царапнуло чем-то острым, наверное, хвостом золотой змейки, – послушайтесь доброго совета: с чем бы странным вам ни довелось столкнуться, знайте – все это имеет логическое объяснение и пугаться не стоит. Просто места здесь особенные, древние. Я бы даже сказала, дремучие. Вот и родятся легенды про вся-

кую нечисть. А все оттого, что развлечений у народа никаких нет. Был когда-то клуб, в котором крутили привезенные из райцентра фильмы. Какая-никакая, а пища для ума. Но его закрыли, потому что заведующий клубом в одном из здешних озер утонул…

Аля тяжело вздохнула – еще один утопленник…

– Нет, на сей раз никакой мистики. – Елена Александровна легонько подтолкнула ее в направлении дверей. – Просто завклубом выпить любил, отправился пьяный на рыбалку – вот вам и закономерный исход. А второго такого интеллигентного и образованного, – в голосе управляющей послышался сарказм, – в Полозовых озерах не нашлось, вот клуб и закрыли.

– Так, может, не стоило закрывать? – спросила Аля. – Пусть бы люди общались.

– Господи, девочка моя, какая же вы еще наивная! – Елена Александровна остановилась напротив распахнутой двери. – Сразу видно, что о сельской жизни вы знаете исключительно понаслышке. Люди и общались первое время. Только общение здесь несколько специфическое: выпить по литру самогона и начать бить друг другу, пардон, морды. Вот после одного такого мордобоя клуб и сгорел. То ли кто-то сигарету непотушенную оставил, то ли специально поджег. Разбираться не стали, новый клуб строить тоже. Ну, уболтала я вас, Алевтина, – узкая ладонь управляющей легла на дверную ручку в виде змеиной морды, перламутровый лак хищно сверкнул на солнце. – Игнат Петрович заждался уже, а я тут прямо как Федор…

* * *

Изнутри дом был такой же огромный, величественный и… заброшенный, как снаружи. Чтобы заниматься столь хлопотным хозяйством, как старинный особняк, нужны немалые средства, а еще силы и желание. Чего-то из вышеперечисленного у Алевтининого деда определенно не хватало, потому что дорогой паркетный пол с затейливым рисунком жалобно поскрипывал под ногами и нуждался в серьезной реставрации, тяжелые бархатные портьеры на высоких окнах выцвели и утратили первоначальный изумрудно-зеленый оттенок, а мебель была хоть и антикварной, но явно ветхой, требующей внимания и пристальной заботы профессионального реставратора. Дом, подобно стареющей кокетке, кутался в пахнущие нафталином и давно вышедшие из моды наряды, прикрывал морщинистое лицо веером из облезлых перьев, но медленно и неуклонно умирал.

Сердце защемило от странного, незнакомого чувства уже виденного. Дом казался Але не просто абстрактным человеческим жилищем, а чем-то с давних лет знакомым, проникшим в сердце и душу, вызывающим едва уловимую, на самой границе восприятия тоску. Она шла вслед за Еленой Александровной и боролась с острым желанием поправить на венском столике кружевную салфетку, выбросить из старинной китайской вазы букет давно мертвых роз и заменить его на живые луговые цветы, а еще устроить в доме генеральную уборку: выстирать шторы, выбить траченные молью шелковые ковры, вымыть окна, начистить до зеркального блеска полы. Странное желание, особенно в отношении дома, который она видит первый раз в жизни, но поделать с ним ничего невозможно. Такое чувство, что это у нее в крови, это сильнее ее.

Чтобы хоть как-то бороться с неожиданным душевным порывом, Аля решила абстрагироваться, не смотреть по сторонам, а лишь вслушиваться в разносящееся по всему дому эхо их с Еленой Александровной торопливых шагов.

Эхо оборвалось у закрытой двери. Дверь была огромной, почти такой же большой, как парадная, с ручкой в виде змеиной головы, с искусно вырезанными, обвивающими дверной косяк ползучими тварями.

– Пришли, – шепотом сказала экономка, отступила на шаг и ободряюще улыбнулась Але, – он ждет вас.

– А вы? – Оказаться один на один с незнакомым мужчиной, считающим ее своей внучкой, было неловко и даже немного страшно.

Елена Александровна отрицательно покачала головой.

– Алевтина, я получила четкие указания. Хозяин хочет поговорить с вами наедине, – она решительно постучалась в дверь и, не дожидаясь ответа, нажала на ручку.

Несмотря на массивность и основательность, дверь отворилась совершенно бесшумно. За дверью было темно и тихо. Может, деда нет на месте? Аля вопросительно посмотрела на экономку.

– Он там, – сказала та шепотом и ободряюще улыбнулась, – просто не выносит яркого света. Неизлечимая болезнь сетчатки. Идите же, не заставляйте его ждать.

Переступить порог дедова кабинета оказалось не так-то просто. Але пришлось сделать над собой усилие, чтобы отважиться нырнуть в это царство сумрака. Понадобилось время, чтобы глаза сумели приспособиться к смене освещения. Она застыла в дверях, крепко зажмурилась, прогоняя яркие радужные круги.

– А ты именно такая, какой я тебя себе и представлял, – голос был тихий, с присвистом, не разберешь, мужской или женский.

Аля открыла глаза, моргнула. Темнота больше не казалась кромешной, теперь она была наполнена тенями и звуками. Тиканье часов, мерное жужжание системника – привычные и абсолютно нестрашные в обычной жизни звуки, здесь, в этом отрезанном от внешнего мира кабинете, казались тревожными и пугающими. А сам кабинет казался призрачным и нереальным. Наверное, из-за наглухо зашторенных окон, беспощадно отсекающих яркий солнечный свет и впускающих внутрь лишь скудный фосфоресцирующий полумрак. В призрачном кабинете за призрачным столом спиной к окну сидел призрачный мужчина – ее дед. Лицо мужчины Аля не могла рассмотреть, как ни старалась – белая маска, без мимики, без эмоций. Зато она сумела разглядеть кое-какие детали одежды. Дед был одет как старосельский помещик: из-под расшитого золотом домашнего халата выглядывало белое кружево сорочки, на тонком запястье поблескивали наручные часы.

– Добрый день, Игнат Петрович, – Аля едва удержалась от того, чтобы не сказать «добрый вечер» – к полуденным беседам здешняя сумрачная обстановка никак не располагала.

– Добрый, – рука, обрамленная пеной из кружев, взлетела над столом, и освещение сразу же изменилось, сделалось чуть более ярким, чуть менее жутким. Скорее всего, дед просто развернул монитор компьютера таким образом, чтобы свет от экрана падал ему на лицо, но Але эта обычная манипуляция показалась странной, если не сказать – мистической. Скорее всего оттого, что лицо деда по-прежнему осталось неподвижной маской. – Можешь называть меня просто дедом, ни к чему этот официоз, – в свистящем голосе послышалось подобие улыбки. От сердца сразу отлегло, и дышать стало легче. – Рад, что ты согласилась принять мое приглашение. Очень рад…

Дед не сделал попытки встать из-за стола, не предложил Але присесть, поэтому она так и осталась стоять в дверях, не решаясь сделать даже шаг. Было в этом человеке без лица, ее деде, что-то странное, гипнотизирующее. И в голосе, и в движениях. Что-то такое, что на мгновение заставило Алю пожалеть о принятом решении. К счастью, сожаление длилось недолго, на память тут же пришло воспоминание о куда более серьезных неприятностях, от которых избавило ее дедово приглашение.

– Не стой в пороге, девочка, – дед словно прочел Алины мысли, махнул рукой в сторону высокого вольтеровского кресла, – проходи, присаживайся. Извини, что не проявляю приличествующего случаю гостеприимства. С некоторых пор я не особо мобилен. С помощью вот этого, – в сумраке кабинета что-то глухо стукнуло, и Аля увидела, что вторая дедова рука покоится не на столешнице, а на набалдашнике трости, – я могу худо-бедно передвигаться, но особого удовольствия мне эти передвижения, увы, больше не доставляют. Проходи же!

Кресло оказалось не слишком удобным, с высокой, прямой спинкой и с твердыми резными подлокотниками. Аля готова была поспорить на что угодно, что на подлокотниках вырезаны все те же змеи – излюбленные здешними обитателями твари. От этих мыслей кожу на ладонях неприятно закололо, захотелось немедленно убрать руки с подлокотников. Аля не стала бороться с возникшим порывом, сложила руки на коленях.

– Как добралась? – спросил дед, но по голосу чувствовалось, что все эти светские церемонии тяготят его до крайности.

– Спасибо, хорошо, – Аля поерзала в неудобном кресле, украдкой вытерла взмокшие ладони о джинсы.

– Я очень сожалею, что тебе пришлось добираться до Полозовых ворот своим ходом. К несчастью, мой автомобиль сломался накануне. Надеюсь, поездка на Звездочке тебя не слишком утомила?

– Что вы! – вспомнив ласковую Звездочкину морду, Аля улыбнулась. – Очень славная лошадка, мне было даже интересно. И товарищ Федор тоже хороший провожатый, – добавила она совершенно искренне.

– Федор, – голос деда смягчился, – славный мальчик, добрый и по-своему несчастный. Алевтина, будь к нему снисходительна. Поверь мне, он заслуживает самых теплых слов.

– Заслуживает, – тут Аля с дедом была полностью согласна.

– У нас здесь места глухие, новые люди появляются крайне редко, поэтому волей-неволей начинаешь ценить каждого собеседника. Федор уже успел рассказать тебе все местные сказки?

– Не знаю, все ли, но кое-что рассказал.

– Он очень необычный мальчик. В самых заурядных вещах ему видятся чудеса. Понимаешь, у людей, в некотором смысле ущербных, довольно часто открывается третий глаз, они могут видеть и чувствовать то, что остальным, простым смертным, видеть и чувствовать не дано.

Аля поежилась. Сейчас дед скажет, что товарищ Федор в самом деле видел Настасью-утопленницу, а болотный змей каждое утро плещется у берегов Мертвого озера. Кстати, на озере-то она еще не была. Из-за всех этих историй с русалками и василисками даже посмотреть в его сторону не удосужилась.

– Но я сейчас не о третьем глазе, – дед издал странный звук, не то закашлялся, не то засмеялся, а потом продолжил: – Я о том, что Федор, несмотря на свои двадцать пять, еще сущий ребенок. Здешние летописи он с малых лет читает вместо сказок, вот и придумывает себе всякие небылицы. Это я к чему, Алевтина, – он помолчал, побарабанил пальцами по набалдашнику трости, а потом опять заговорил: – Это я к тому, чтобы ты ясно понимала, что не всему сказанному Федором можно верить. А точнее, ко всему, что касается здешних преданий, лучше относиться как к фольклору и излишнего значения не придавать. Поверь мне, это будет самым правильным решением, самым разумным. Потому что если верить, что Василиск существует на самом деле, то может случиться так, что вера сотворит чудо и на твоем пути встретится тот самый… тот, в кого ты по неосторожности поверила.

Вольтеровское кресло вдруг сделалось жутко неудобным, а воздух в кабинете стал вязким и мертвым. Аля постаралась расслабиться, судорожно вздохнула. Да что же это такое?! Сначала товарищ Федор, потом Елена Александровна, теперь вот дед. Все, кроме товарища Федора, пытаются заверить ее, что Василиска не существует, но в их странной настойчивости есть что-то подозрительное. Ну ведь глупо же, в самом деле, верить в привидения и реликтовых тварей! Современному, адекватному человеку и так ясно, что все эти чудеса из разряда устного народного творчества и интерес могут представлять исключительно для узкоспециализированных на подобных историях товарищей.

– Напугали мы тебя, девочка? – в голосе деда послышалась забота, и от сердца тут же отлегло. – Не бойся, Алевтина. Все не так страшно, как кажется на первый взгляд. Места здесь

просто прекрасные, для отдыха и душевного покоя подходящие как нельзя лучше. Да и мы с Еленой Александровной будем не единственными твоими собеседниками. Есть в Полозовых воротах люди более привлекательные и интересные, чем беспомощный старик и выжившая из ума экономка.

Алю так поразили эти его слова о беспомощном старике и выжившей из ума экономке, что она совсем забыла уточнить, о каких таких интересных людях идет речь. Но мысль о том, что не придется коротать долгие вечера исключительно в обществе деда и Елены Александровны, показалась ей очень даже привлекательной.

– Утомил я тебя, девочка, своими россказнями. – Дед не спрашивал, а констатировал факт, так что заверять его в обратном Аля не решилась. – Да и сам я немного подустал. Не каждый день доводится повстречаться с единственной внучкой. Грешным делом думал, что и не доведется свидеться, а вот оно как – свиделись. Ты иди, Алевтина, отдохни с дороги. Может, кушать хочешь, так попроси Елену Александровну, пусть отведет тебя на кухню. Там, кажется, с утра пирожки с мясом оставались, перекусишь перед ужином. А к ужину, будь любезна, спустись в каминный зал. Посидим по-родственному, поговорим. Познакомлю тебя с остальными обитателями Полозовых ворот, введу, так сказать, в здешнее светское общество. Иди, внучка, иди, – дед устало махнул рукой.

– Рада была встретиться, – Аля встала.

– И я рад. – Голос деда сделался едва слышным, и свистящих ноток в нем добавилось.

Аля выскользнула за дверь, прижалась спиной к стене, глубоко и шумно вдохнула.

– Закончилась аудиенция?

От неожиданности она вздрогнула, посмотрела на Елену Александровну с нескрываемым раздражением. Ну что же это за мода такая – подкрадываться?! Так же и заикой недолго остаться, особенно после всего, что довелось услышать накануне.

– Закончилась, – сказала она не слишком приветливо и тут же устыдилась своего поведения, потому что экономка смотрела на нее участливо, если не сказать – сочувственно.

– Игнат Петрович сегодня в добром расположении духа. – Женщина если и заметила Алино раздражение, то виду не подала. – Долго он вас ждал, Алевтина. Всех нас просто извел своим ожиданием. Все боялся, что вы откажетесь от его предложения, не рискнете ехать в такую глушь.

Аля мысленно усмехнулась. Именно то, что дедов дом расположен в такой глуши, и послужило решающим фактором в принятии решения. Ей требовалось именно такое место: тихое, уединенное, где легко затеряться и спрятаться.

– Ну, я же все-таки приехала, – она смущенно улыбнулась, точно была виновата в том, что из-за нее дед изводил домочадцев. Кстати, о домочадцах… – Елена Александровна, а что, в доме есть еще жильцы, кроме вас с дедом и товарища Федора? – спросила она.

Экономка ответила не сразу, помолчала, точно производя в уме какие-то математические расчеты, а потом кивнула:

– Есть еще приходящая прислуга Марья Карповна. Она у нас за кухарку и за горничную. Приходит два раза в день, стряпает, прибирается в доме. Вы же видите, какой дом огромный, тут и двоим-то не справиться, не то что одной. Я Игнату Петровичу говорила, что надо бы еще помощницу нанять, но он и слушать не желает, – Елена Александровна нахмурилась, – говорит, что четырех рук для поддержания дома в приличном состоянии вполне достаточно.

В этом вопросе Аля с дедом была не согласна. Очевидно же, что дом чахнет без внимания, и заботливые руки ему просто необходимы.

– Я вам помогу тут убраться, – она бросила быстрый взгляд на экономку. – Если, конечно, вы не возражаете.

Кажется, ее предложение у Елены Александровны энтузиазма не вызвало, похоже, оно ее даже чем-то задело, потому как женщина посмотрела на Алю как-то странно и вместо ответа ограничилась лишь молчаливым кивком. Понимай как хочешь…

– А еще кто-нибудь в доме живет? – А плевать ей на чужие странности! Сейчас гораздо важнее выяснить как можно больше об этом странном месте. В конце концов, ей здесь придется жить не один день, возможно, даже не один месяц, и было бы неплохо доподлинно узнать, с чем и с кем придется иметь дело.

– Живет, – Елена Александровна передернула острыми плечами, словно от холода. – Игнат Петрович взял постояльцев.

– Постояльцев?!

– Туристы, фольклористы и прочие праздношатающиеся господа, – уточнила экономка. – Игнат Петрович решил, что дому нужна свежая кровь.

– В каком смысле? – теперь уже поежилась Аля.

– В том смысле, что без жильцов дом в большей степени подвержен тлену и разрушению. В капитальном ремонте или хотя бы генеральной уборке он, видите ли, не нуждается, а в совершенно посторонних людях нуждается. – Елена Александровна покосилась на закрытую дверь кабинета и перешла на едва различимый шепот: – Вообще-то Игнат Петрович любит уединение. Вы потом это сами поймете, когда узнаете его поближе. Добровольно он ни за что бы не согласился превратить Полозовы ворота в отель, но обстоятельства иногда сильнее нас. Это все новый мэр… – Она поморщилась. – Мальчишка, выскочка! Решил, что нужно непременно развивать экологический туризм, и непременно у нас. Можно сказать, силой навязал… Пригрозил, что если Игнат Петрович откажется часть дома переделать под номера, то на берегу Мертвого озера развернется крупномасштабное строительство: рестораны, отели, катамараны… Игнат Петрович очень долго сопротивлялся, даже в область жалобу писал. Но вы же сами видите, какие теперь настали времена. Пришлось смириться. А постояльцы разные встречаются. Некоторые ничего, интеллигентные люди, а некоторые – сущее наказание. Уж сколько раз я хозяину говорила, чтобы ограничил их перемещения, но он не желает ничего слышать. Гостям запрещено заходить лишь в жилое крыло, в котором расположены хозяйская спальня, кабинет и библиотека, а остальные помещения в полном их распоряжении. С прошлого года, сразу, как только началось все это безобразие, я уже недосчиталась нескольких серебряных ложек из фамильного сервиза, а со стены в бильярдном зале исчезла картина Марка Шагала. Хорошо еще, что Шагал был всего лишь копией, а подлинник хранился в банковском сейфе, но сами понимаете, как все это неприятно. Алевтина, – женщина крепко сжала Алино запястье, – поговорите с ним, вразумите! Вас он непременно послушается. Это же настоящее безобразие – то, что сейчас творится в Полозовых воротах. С этим непременно нужно что-то делать…

– Я попробую, – Аля мягко, но настойчиво высвободила свою руку. – Только что же я могу? Я же еще толком ничего не знаю. Я же даже не видела этих постояльцев.

– Увидите. Сегодня вечером и увидите. Хозяин организует званый ужин в вашу честь. Всем гостям настоятельно рекомендовано на ужине присутствовать.

Надо же, званый ужин! Все это, конечно, приятно и лестно, но для званого ужина необходима соответствующая экипировка, а у нее с собой, кроме повседневных вещей, ничего нет. Как-то несолидно явиться на ужин, устроенный в твою честь, в джинсах и футболке. Даже в деловом костюме и то, наверное, несолидно. Аля посмотрела на Елену Александровну, сказала растерянно:

– Вообще-то я к официальным мероприятиям не готовилась. У меня с собой и одежды подходящей нет, а в город, наверное, уже поздно за покупками ехать.

– Господи, да какой город?! – экономка всплеснула руками. – В той дыре, которую вы исключительно из хорошего воспитания назвали городом, приличная девушка не сможет подобрать себе даже достойную пижаму. Что уж говорить о вечернем платье!

– А что же мне тогда делать? – спросила Аля, мысленно перебирая содержимое своей дорожной сумки. По всему выходило, что перебирай не перебирай, а ничего подходящего у нее на сегодняшний вечер нет.

– Пойдемте со мной, Алевтина, – вместо ответа сказала Елена Александровна и, не дожидаясь, пока Аля двинется следом, направилась прочь от дедова кабинета.

Комната, в которую Аля вошла вслед за экономкой, была просторной и светлой. И пылью здесь совершенно не пахло, а наоборот – чем-то нежно-приятным. Аля не сразу заметила пышный букет сирени, стоящий на туалетном столике. Зато Елена Александровна обратила внимание и сказала с явным неудовольствием:

– Федор постарался. Видимо, вы ему очень понравились, потому что обычно он дамам цветы не дарит.

Брезгливым движением она отодвинула вазу с сиренью к дальнему краю стола, обернулась к Але и сказала теперь уже совершенно другим тоном:

– Вы спрашивали, как быть с вашим вечерним туалетом? Уверяю вас, возникшее затруднение легко разрешимо. – Она шагнула к внушительных размеров гардеробному шкафу и распахнула резные дверцы. Шкаф оказался под завязку забит всевозможными нарядами. Большей частью они были вечерними, парадно-выходными, сшитыми из дорогих тканей, явно на заказ. Аля погладила тонкий шелк темно-синего невесомого платья, вопросительно посмотрела на экономку. Интересно, кому раньше принадлежало все это великолепие.

Елена Александровна поняла ее взгляд правильно, потому что предвосхитила вопрос:

– Это вещи вашей матери, – сказала с полуулыбкой.

Матери… Сердце забилось так часто, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Всю сознательную жизнь Аля заставляла себя мириться с мыслью, что мамы у нее нет. Мама не бросила ее, не умерла, ее просто нет. Так было проще. Так не нужно было замирать при виде каждой приходящей в детдом незнакомой женщины, не нужно заглядывать в глаза этим незнакомкам в надежде, что одна из них окажется не просто незнакомкой, а мамой.

Аля была подкидышем. В том смысле, что очутилась на попечении государства, минуя стандартные процедуры. Как любила рассказывать любимая Алина нянечка Афанасьевна, ее, полугодовалую, нашли под дверью детского дома в самый канун Нового года. Афанасьевна, кстати, и нашла: вышла на улицу подышать свежим воздухом, а там на крылечке – орущий кулек.

Афанасьевна рассказывала, что зима в том году выдалась теплой, совсем без снега, но подкидыш был укутан основательно – в импортный меховой конверт, такой красивый, каких она отродясь не видела. Подкидыша занесли внутрь, распеленали, выяснили, что, несмотря на пронзительные вопли, ребенок жив-здоров, упитан-ухожен, а орет оттого, что проголодался. В ворохе пеленок обнаружилась записка, в которой торопливым почерком было написано одно-единственное слово – «Алевтина». По всему выходило, что Алевтина – это имя, которое нерадивая мамаша дала ребенку при рождении. Имя менять не стали, просто добавили к нему фамилию. Фамилию придумывали всем детдомовским коллективом. Хотелось, чтобы она была красивой и хорошо сочеталась с редким именем Алевтина. Остановились на Полетаевой. Получилось и в самом деле красиво, Але ее фамилия всегда нравилась. Наверное, поэтому долгое время у нее не возникало никакого желания узнать свою настоящую фамилию. Да и какой толк от этих желаний, если с самого начала ясно, что отыскать родителей не представляется никакой возможности? Единственной зацепкой, которая могла хоть как-то помочь в розысках, был импортный меховой конверт, в котором нашли Алевтину, но конверт самым загадочным образом исчез. Впрочем, та же Афанасьевна считала, что ничего загадочного в исчезновении конверта не было, просто у поварихи Кузьминичны как раз накануне родился внучок, и конверт пришелся тому как нельзя кстати. Но, как говорится, не пойман – не вор. Да и кому было дело до настоящих родителей новой воспитанницы детдома Алевтины Полетаевой? Хорошие

родители свою кровиночку одну на морозе не бросят, а плохие ребенку не нужны, государство о нем позаботится ничуть не хуже.

Государство и заботилось. Аля не могла сказать, что в детдоме ей было так уж плохо. Может, оттого, что с младенчества она другой жизни просто не знала, а может, в силу ее легкого характера, позволявшего находить хорошие моменты даже в самом плохом. Единственным событием, которое Аля старательно игнорировала, был факт ее рождения. В отличие от большинства детдомовских ребят, желавших во что бы то ни стало повстречаться со своими родителями, у Али такого желания не возникало. Она, как и Афанасьевна, считала, что раз мама от нее отказалась, значит, не нужна ей такая мама. Ей вообще никакая мама не нужна! Ей и так хорошо – одной…

Зерно сомнений в Алиной душе зародилось лишь однажды. Кстати, не так давно. И посеял это зерно совершенно незнакомый ей человек – Джоан Роулинг. Судьба выдуманного Гарри Поттера вдруг показалась Але очень похожей на ее собственную судьбу. Не в том смысле, что, как сказочный мальчик, она обладала какими-то сверхспособностями, а в том смысле, что в силу непреодолимых обстоятельств даже заботливые родители иногда вынуждены бросать своих детей на произвол судьбы. Целую неделю Аля ходила под впечатлением от фильма и даже хотела было начать поиски матери, но потом как-то все утряслось и пришло осознание, что сказки про добрых волшебников – это одно, а реальная жизнь – это совершенно другое. И нет никакого смысла ворошить прошлое, потому что, если бы родители захотели ее отыскать и забрать к себе, то давно бы уже отыскали. Да и ни к чему ей, взрослой, самостоятельной девице, какая-то там непонятная семья. У нее есть своя собственная семья, ничуть не хуже. Точнее, была… до недавнего времени, пока Алина жизнь не полетела в тартарары…

А теперь вот оказывается, что у нее есть не только дед, но еще и мама. Или была?..

– Она здесь? – Аля повертела головой, точно мама могла прятаться где-то тут, в залитой полуденным солнцем и пахнущей сиренью комнате.

– Нет. – В голосе Елены Александровны послышалось сочувствие. – Я плохо знаю эту историю, хозяин не любит распространяться о тех временах. Но, как я понимаю, ваша мама уехала из Полозовых ворот вскоре после вашего рождения. Игнат Петрович пытался вас отыскать, но тщетно. Ему понадобилось больше двадцати лет, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки. Он нашел вас, но так и не смог найти ее.

– А почему она уехала? – спросила Аля.

– Не знаю. Кажется, они с вашим дедом поссорились.

– А мой отец?

Экономка пожала плечами.

– О нем вообще ничего не известно. Ваша мама приехала в поместье, уже будучи беременной, но об отце своего ребенка она говорить отказывалась.

– Я бы хотела посмотреть на нее. – Ладони снова сделались влажными, а сердце так и не успокоилось, трепыхалось в груди, точно пойманная в силки птица. – Можно?

– К сожалению, это невозможно, – Елена Александровна покачала головой. – По всей видимости, ссора была очень серьезной, потому что ваш дед уничтожил все фотографии вашей матери. Во всяком случае, мне на глаза они ни разу не попадались. А я живу в Полозовых воротах вот уже двадцать два года. Возможно, есть смысл спросить об этом у самого Игната Петровича. Только не сегодня. Обживитесь, освойтесь, научитесь угадывать настроение своего деда, а потом попробуйте поговорить с ним.

– Хорошо, я попробую. – Аля отошла от шкафа. Если у нее и было желание примерить какой-либо из хранящихся в нем нарядов, то после разговора с экономкой оно исчезло.

– Вам придется надеть что-либо из этих вещей, – похоже, Елена Александровна умела читать мысли. – Рекомендации хозяина очень конкретные – вы должны прийти на ужин в

вечернем платье. Я вижу, у вас с вашей матерью одинаковые размеры, так что проблем в этом смысле возникнуть не должно.

Аля закусила губу. Если считать размер одежды проблемой, то да – проблем не возникнет, но что делать со всем остальным? Как она будет чувствовать себя в одежде чужой женщины? Ну, пусть женщина не совсем чужая, пусть она ее мама, но так даже еще хуже. Это все равно, что влезть в чужую шкуру. Может, проигнорировать рекомендации деда и спуститься к ужину в обычном костюме? Ну не убьет же он ее за это, честное слово!

– Алевтина, – экономка многозначительно приподняла брови, – Игнат Петрович очень расстроится, если вы в первый же день решите проигнорировать его маленькую просьбу. Поверьте, нет ничего плохого в том, что вы наденете одно из этих великолепных платьев, – она кивком указала на шкаф, – а ваш дед получит еще одну маленькую возможность порадоваться жизни. У него совсем немного таких возможностей, в последнее время их все меньше и меньше. Теперь, когда болезнь его прогрессирует с каждым днем, даже прогулки к озеру сделались для него проблемой. А вам ведь ничего не стоит сделать маленькое одолжение единственному родному человеку.

Единственному родному человеку – тут Елена Александровна совершенно права, с этим не поспоришь. И было бы верхом неблагодарности в ответ на незначительную в общем-то просьбу отреагировать так, как ей больше всего хочется. Ничего страшного не случится, если она всего на пару часов влезет в чужую шкуру.

– Я вижу, вы приняли правильное решение, – экономка одобрительно кивнула. – В таком случае мне осталось лишь провести для вас небольшую экскурсию по дому, чтобы вечером вы могли ориентироваться в нем более или менее свободно. Или, может, сначала вы хотите немного перекусить с дороги? Простите, я должна была предложить вам это сразу.

Есть совсем не хотелось. Да и не привыкла Аля к обильным трапезам. В прошлой жизни, когда спортивные достижения и олимпийское «золото» имели для нее первостепенное значение, большинство из привычных для обывателей блюд было для Али недостижимой мечтой. Ограничивать себя приходилось буквально во всем, так что гастрономическое воздержание давно и прочно вошло у нее в привычку. Даже когда со спортивной карьерой было покончено раз и навсегда. А вот осмотреть дом, пожалуй, интересно.

Обход дома начали с того крыла, в котором располагалась Алина спальня. Ничего примечательного в этом крыле не было: еще три пустующие комнаты для гостей и длинный коридор, одним своим концом выходящий в просторный холл, а вторым на открытую террасу. Противоположное крыло занимали апартаменты деда, комната Елены Александровны и библиотека.

На первом этаже в центральной части дома располагалась огромная кухня с примыкающей к ней столовой, каминная и бальный зал. Последний произвел на Алю особенно сильное впечатление. Огромный, с французскими окнами, со стенами, по всему периметру отделанными потускневшими от времени зеркалами, с узорным паркетным полом, массивной хрустальной люстрой и сиротливо стоящим у одной из стен белым роялем. Не нужно обладать большой фантазией, чтобы представить, как в прежние, более счастливые времена в этом зале собирался на балы цвет местной аристократии. Как на начищенном до зеркального блеска паркете кружились в вальсе и отражались в сияющих зеркалах влюбленные пары. Как пожилые дуэньи внимательно следили за своими подопечными – еще совсем молоденькими и оттого неискушенными в светской жизни барышнями. Как опытные обольстительницы кокетливо обмахивались веерами и роняли надушенные платочки к ногам галантных кавалеров. А кавалеры прятали эти амурные трофеи в нагрудные карманы английских жилетов, поближе к сердцу, и рассыпались в комплиментах. Как здесь же, за накрытым зеленым сукном столом, играли в вист и за рюмкой вишневой наливочки обсуждали последние политические новости почтенные отцы семейства.

Аля представила и как-то сразу прониклась тихой щемящей грустью. Точно это она была одной из тех молоденьких барышень, впервые в жизни выехавших на свой самый настоящий, самый замечательный бал, жадно ловящей восхищенные взгляды лихих красавцев-поручиков. Интересно, рояль остался с тех счастливых времен или он потомок того, самого первого, самого главного рояля? Спрашивать у Елены Александровны Аля не стала. Вряд ли экономка знает такие подробности. Да и зачем? Все равно те волшебные дни остались в далеком прошлом, рояль медленно умирает вместе с домом.

Всю остальную часть первого этажа занимал зимний сад. Наверное, некогда роскошный и уникальный, сейчас он переживал не самые лучшие времена – зарос сорняками, одичал и больше походил на непролазные джунгли.

– Последний раз садовник появлялся здесь пять лет назад, – Елена Александровна тяжело вздохнула, нежно провела ладонью по резным листочкам какого-то неведомого Але растения. – Человек, который ухаживал за садом все эти годы, умер, а другого специалиста мне отыскать не удалось. Мы с Марьей Карповной пытаемся поддерживать сад в более или менее приличном состоянии, но сами видите, получается у нас не слишком хорошо. Система полива давно барахлит, и нужных удобрений в райцентре днем с огнем не сыскать. А ведь сад этот некогда славился на всю Россию, из самого Санкт-Петербурга приезжали в Полозовы ворота за саженцами.

Похоже, зимний сад вызывал в душе Елены Александровны те же чувства, что в Алиной душе бальный зал. Каждому свое, как любила говаривать нянечка Афанасьевна.

В общем, весь первый этаж производил достаточно тягостное впечатление. Зато второй, к превеликому Алиному удивлению, выглядел куда более оптимистично. Чувствовалось, что последний раз ремонт здесь делали не в позапрошлом веке, а максимум пару лет назад. На втором этаже не было той удушающей атмосферы неизбежного умирания, которая буквально преследовала Алю внизу. Здесь все было в достаточной степени комфортно и современно. Даже пахло совсем иначе – лаком, краской и хорошим табаком.

– Это гостевая территория, – пояснила экономка и брезгливо поморщилась. – Видите разницу, Алевтина?

Аля видела разницу, но никак не могла понять причину, по которой экономка так недовольна. Выходит, дом не умирает. Наоборот, он пытается восстать из пепла. Если судить по второму этажу, попытка эта вполне удачна. Еще немного, и Полозовы ворота можно будет назвать настоящей европейской усадьбой. Нужно только отреставрировать первый этаж.

– Он не хочет. – Аля еще не успела озвучить свои мысли, как уже получила на них ответ. Экономка обладала поистине поразительным даром читать чужие мысли. – Он считает, что первый этаж должен остаться в полной неприкосновенности. Он называет это безобразие аутентичностью, считает, что в засыхающем зимнем саду и в этом ужасном фонтане живет душа дома и душу тревожить никак нельзя. – Елена Александровна вздохнула и продолжила: – А вот я, к примеру, не понимаю, почему душа дома живет только на первом этаже, а со вторым можно делать все что угодно.

– Здесь хорошо, – Аля обвела взглядом просторную гостиную, обставленную вовсе не антикварной, а вполне современной и комфортной мебелью, – и пахнет по-другому.

– Да, здесь хорошо. Пойдемте, я покажу вам остальную часть дома. Осталось немного: каминная, бильярдная и апартаменты для гостей. Впрочем, в апартаменты я вас не поведу. У меня, конечно, есть ключи от них, но это, наверное, было бы не слишком этично. Давайте ограничимся каминным залом и бильярдной…

В собственную комнату Аля попала уже ближе к вечеру, потому что помимо дома Елена Александровна пожелала показать ей еще и надворные постройки. Их оказалось немного: небольшой сарайчик с домашней утварью, конюшня для Звездочки и гараж. В гараже стояла

роскошная «Ауди», наверное, тот самый так некстати сломавшийся автомобиль. Впрочем, Алю этот факт не слишком опечалил – Звездочка нравилась ей гораздо больше, чем «Ауди».

Покончив с осмотром достопримечательностей, Аля направилась было к озеру, увидеть которое ей хотелось едва ли не больше, чем сам дом, но Елена Александровна вдруг проявила странную настойчивость: всполошилась, что Аля все-таки может оказаться голодна, и, не желая слушать заверений в обратном, увлекла девушку назад к дому.

– Алевтина, не хотите кушать, тогда выпейте мой фирменный кофе, – она крепко держала Алю за локоть и не позволяла даже посмотреть в сторону Мертвого озера. – Я готовлю замечательный кофе. Даже Игнат Петрович это признает, а Игнату Петровичу, знаете ли, угодить очень и очень сложно.

Перед такой настойчивостью было трудно устоять, и Аля, которая никогда не любила кофе, оказалась вынуждена сдаться. В конце концов, на озеро она может сходить и вечером, а сейчас не стоит обижать отказом гостеприимную хозяйку.

Кофе пили на кухне, как выразилась Елена Александровна, в неформальной обстановке. Изысканные вкусовые оттенки предложенного напитка Аля по достоинству оценить не смогла по причине своей неискушенности, но на всякий случай эти самые вкусовые оттенки похвалила аж три раза. К кофе прилагались эклеры. И вот для того, чтобы похвалить этот шедевр кондитерского искусства, кривить душой не пришлось. Аля, обычно равнодушная к сладостям, была вынуждена признать, что ничего вкуснее в своей жизни не пробовала.

– Это все Марья Карповна, – объяснила экономка. – Вот, казалось бы, забитая деревенская женщина, ни разу в жизни не выезжавшая дальше райцентра, а стряпает такие деликатесы – пальчики оближешь. Кстати, сегодня вы в этом сами сможете убедиться, Марья Карповна взяла на себя все хлопоты по приготовлению званого ужина. Федор как раз за ней поехал, – Елена Александровна бросила быстрый взгляд на изящные наручные часики и, нахмурившись, проворчала: – Паршивец, опять пропустил мимо ушей то, что я ему говорила. Выехал позже, чем было велено. Не хватало еще, чтобы из-за этого слабоумного случились накладки.

Последняя тирада экономку совсем не красила. Как-то не вязались гадкие слова о Федоровом слабоумии с образом рафинированной мадам. Но мало ли какие в Полозовых воротах имеются подводные течения. Аля здесь человек посторонний и многого еще не знает. Но товарищ Федор все равно хороший, даже несмотря на свой душевный недуг. Как там выразился дед? Он особенный? Да, вот именно, не слабоумный, а особенный! И в силу этой своей особенности для многих непонятый.

Поддерживать разговор как-то сразу расхотелось, даже из вежливости, и, сославшись на усталость, Аля ушла к себе.

* * *

Оставшись одна, она наконец смогла все как следует рассмотреть. Неплотно закрытые дверки шкафа тянули к себе, точно магнитом, но Аля решила начать осмотр с комнаты.

Комната, хоть и находилась на первом этаже, которого не коснулись перемены в доме, но выглядела довольно мило. Вполне вероятно, что перед Алиным приездом здесь был все-таки проведен косметический ремонт. Во всяком случае, обои казались довольно новыми, радовали глаз приятным персиковым оттенком, а мебель – кровать на высоких изогнутых ножках, кресло, комод, шкаф и туалетный столик – производила очень благоприятное впечатление. В том смысле, что были легкими, изящными и еще отнюдь не дряхлыми. Наверное, когда-то эта комната принадлежала Алиной маме, женщине, которая как-то вдруг перестала быть бесплотным фантомом и благодаря рассказу экономки уже почти обрела плоть и кровь. Осталась самая малость – найти ее фотографию, хотя бы одну. Просто чтобы знать, как она выглядела.

Аля присела на край кровати, погладила шелковое, расшитое золотыми змейками – опять змейками! – покрывало, посмотрела на колышущиеся от ветра шторы. Шторы были под стать покрывалу, с такими же золотыми змейками. А ведь она еще не знает, какой вид открывается из окна.

Под плотным шелком штор оказалась тонкая, почти невесомая кисея тюля. Аля отодвинула занавесь в сторону и обнаружила, что окно в ее комнате точно такое же, как в бальном зале, – французское. Огромное, от потолка до пола, двустворчатое, распахивающееся, точно двери. А там, за окном, озеро: огромное, неподвижное, в свете уже неяркого закатного солнца кажущееся глянцево-черным, обрамленное старыми вербами.

Искушение было слишком велико, чтобы Аля могла ему противиться. Рама поддалась не сразу, но все-таки поддалась – с тихим скрипом окно распахнулось, впуская в комнату свежий, насыщенный влагой воздух. Прямо от окна к озеру вела едва заметная в траве тропинка. Похоже, соблазн выбраться из душных комнат на волю возникал не у одной Али. Кто-то не так давно уже прохаживался по этой тропинке.

Трава была высокой, приятно щекотала голые щиколотки, цеплялась за сандалии. Аля сорвала былинку, сунула ее в рот и решительно пошагала к озеру. Все-таки был в этом дивном месте какой-то оптический феномен, потому что при взгляде на озеро из окна комнаты казалось, что оно совсем близко – только руку протяни, и коснешься неподвижной воды, а на самом деле идти пришлось довольно долго. Наконец тропинка уперлась в деревянный лодочный причал. Доски, из которых он был сложен, еще не успели почернеть от времени и сырости, были веселого золотисто-желтого цвета, вкусно пахли смолой. Аля сбросила сандалии, ступила на нагретый жарким солнцем настил.

Причал уходил далеко в озеро, она насчитала сто двадцать шагов, прежде чем оказалась на противоположном его конце. Здесь узкий дощатый «язык» превращался в широкую площадку метров в шесть шириной. На площадке с комфортом могли разместиться несколько человек, и еще осталось бы место. Скорее всего, назначение у нее было весьма конкретное: на воде, привязанные к стальному крюку, мерно покачивались две лодки, одна старая весельная, вторая новая моторная, но при желании здесь запросто можно было загорать или использовать площадку как трамплин для прыжков в озеро.

Аля присела на край настила, свесила босые ноги в воду. Вода была теплой. Не парное молоко, но купаться можно запросто. Это потому, что лето выдалось на удивление жарким. Июнь еще только начался, а столбик термометра уже подбирался к отметке в тридцать градусов. А вода и в самом деле странная: если зачерпнуть ее в горсть, то прозрачная-прозрачная, а в озере кажется черной. Может, из-за глубины, а может, еще по какой причине. Только, похоже, товарищ Федор прав – озеро и в самом деле мертвое. Поверхность его ровная, точно зеркальная гладь, – нет на ней никакого движения, мошкара не шебуршится, рыба не плещется. И рыбаков, обязательных для богатого всякой живностью водоема, не наблюдается. Кругом тишина и покой. Кстати, тишина эта вполне мирная, а вовсе не зловещая. Надо будет как-нибудь прийти сюда ранним утром, когда над водой еще туман, искупаться.

Наручные часы показывали уже половину седьмого вечера, а званый ужин назначен на девять. Значит, времени остается совсем мало. Нужно еще принять душ, привести себя в порядок с дороги и выбрать платье.

Локальный ремонт в ее комнате, похоже, не коснулся сантехники. Во всяком случае, ванна была явно старинная: чугунная, массивная, на позолоченных львиных лапах. Вода лилась в нее с громким шумом, барабанила по дну и стенкам, взбивалась в белую пену. Принимая душ, Аля подумала: какое же все-таки это счастье, когда в доме есть такие вот радости цивилизации, как водопровод и горячая вода. В старину, с ее балами и светскими раутами, о подобной роскоши даже не мечтали. И ванна на львиных лапах, скорее всего, использовалась как этакая дизайнерская бадья для омовений, а воду грели где-нибудь на кухне, в здоровенных

железных чанах. Все-таки что ни говори, а в нынешнем суетливом веке, помимо минусов, есть и свои плюсы.

Аля выбралась из ванны, закуталась в белоснежную простыню, вернулась обратно в комнату. Под мощной струей горячего воздуха из фена волосы высохли в два счета. Мудрить с прической она не стала, ловкими, за годы отработанными до автоматизма движениями уложила волосы на затылке в элегантную «ракушку». Подвела глаза, тронула губы перламутровым блеском. Получилось неброско, но довольно мило. Тем более что в Алины планы вовсе не входило очаровывать здешний бомонд. Просьбу деда она, конечно, исполнит, выйдет в вечернем платье, но большего он от нее не дождется. Ей и так придется переступить через себя, чтобы надеть вещь, которую когда-то носила ее мать.

К шкафу с нарядами Аля подошла едва ли не в самый последний момент, когда до начала торжества оставалось каких-то двадцать минут, распахнула дверцы, постояла с минуту в раздумьях. Платьев было слишком много, от разнообразия тканей, фасонов и расцветок рябило в глазах. Она вытянула из общей кучи одно, наугад. В конце концов, какая разница, в чем именно она спустится к гостям, главное, чтобы платье было вечерним. Случайно выбранная вещь, безусловно, предназначалась для светских раутов, но уж больно она была откровенной. Нет, такая красота не для нее. Пожалуй, вот это черное атласное подойдет лучше.

Платье и в самом деле подошло, село как влитое, но не успела Аля порадоваться своему выбору, как возникла новая, совершенно неожиданная проблема. Имеющиеся в наличии туфли были велики ей как минимум на два размера. Все, кроме одной-единственной пары. Туфли выглядели совсем новыми, ни разу не надеванными, подходили Але идеально, но дизайн их был категоричен до крайности. Чешуйчатая кожа, похожая на змеиную, переливалась всеми оттенками золотого и зеленого, тонкие ремешки мягко оплетали Алину лодыжку, дарили ощущение надежности. В общем, туфли были хороши, но вот найдется ли под них платье?

Платье нашлось – точно такое же зелено-золотое, змеиное. Длинное, в пол, на золотых бретельках, с открытой спиной, оно сидело на Але идеально, а вкупе с туфлями являло превосходную, полностью завершенную композицию. Вообще-то Аля никогда не считала себя барахольщицей и к вещам относилась спокойно, если не сказать равнодушно, но это «змеиное» платье не оставило безразличной даже такую непритязательную в вопросах моды особу, как она. Аля повертелась перед зеркалом и так и этак и в самый последний момент решила, что классическая «ракушка» здесь совершенно неуместна. На то, чтобы заплести волосы в длинную, ниже талии, косу-колосок, ушло всего несколько минут. Вместо ленты Аля использовала низку темно-зеленых бус, найденную в шкафчике туалетного столика. Получилось красиво, если не сказать – гламурно. Только вплетенные в косу бусы непривычно холодили открытую спину, то и дело заставляли вздрагивать от неожиданности. Но не зря же говорят, что красота требует жертв, и этот пробегающий вдоль позвоночника холодок – еще не самая большая плата.

Без пяти минут девять в дверь громко постучали. На пороге стояла Елена Александровна. В вечернем платье цвета слоновой кости экономка выглядела элегантно и молодо, гораздо моложе своих лет. Наверное, потому что фигура у нее была тонкая – ну точно девичья. Елена Александровна окинула Алю внимательным и, как той показалось, удивленным взглядом, растянула губы в вежливой улыбке.

– Готовы, Алевтина?

– Готова, – Аля перебросила через плечо косу – спину тут же обожгло холодом. Да что ж это за бусы такие – ледяные?

– В таком случае, следуйте за мной. Гости уже собрались.

Вопреки ожиданиям Елена Александровна провела Алю не в столовую, а в каминный зал, в самом центре которого, как раз напротив жарко пылающего камина, был сервирован стол. Электрическое освещение в зале отсутствовало, умирающий свет заходящего солнца робко поддерживали оплывающие в старинных канделябрах свечи. Аля уже хотела было удивиться

этакой экзотике, но вовремя вспомнила слова экономки о том, что у деда проблемы с сетчаткой и яркий свет ему противопоказан. Потому, наверное, он и сидит спиной к камину, как раз в торце стола. Стулья по правую и по левую руку от него пустовали, а вот остальные места были заняты гостями.

К тому моменту, как Аля вслед за экономкой вошла в каминный зал, за столом разгорелась жаркая дискуссия, поэтому у нее появилась возможность, не будучи замеченной, понаблюдать за дедовыми гостями.

Компания подобралась разношерстная. Первое, что бросилось в глаза, – это уже виденная днем пара: приземистый толстячок и мадам. По случаю званого ужина мадам вырядилась в сильно декольтированное шелковое платье, сотворила на голове что-то затейливое и монументальное и не пожалела косметики. Шею ее обвивало колье из сверкающих каменьев, нереальные размеры которых позволяли думать, что колье – всего лишь очень качественная бижутерия. Спутник мадам, которого она называла Вадиком, выглядел попроще, но все же приличествующе случаю. Наряд английского путешественника он сменил на элегантный серый костюм и сейчас, очевидно, страдал от жары и туго завязанного шейного платка. Он энергично обмахивался стянутой со стола льняной салфеткой и, пока мадам напропалую кокетничала с сидящим напротив симпатичным молодым человеком, украдкой отпивал вино из высокого хрустального бокала.

Молодой человек, объект повышенного внимания мадам, вежливо улыбался собеседнице и рассеянно посматривал по сторонам. Его костюм был не только элегантным, но еще и практичным. Светло-серый льняной пиджак ладно сидел на широких плечах, а демократически расстегнутая верхняя пуговица сорочки позволяла не отвлекаться на борьбу с жарой, а наслаждаться чудесным вечером.

Дальше, по правую руку от молодого человека, сидел субъект до крайности странный, если не сказать – смешной. На такого без слез не взглянешь. Аля сразу же окрестила субъекта ботаником, потому что выглядел он именно так: нелепо и карикатурно. Ботаник был единственным гостем, который рискнул проигнорировать дресс-код. Одет он был в клетчатую рубашку с короткими рукавами, поверх которой красовалась идиотская жилетка с бесчисленными топорщащимися карманами. Из одного нагрудного кармана выглядывала шариковая ручка и край записной книжки, из второго – уголок носового платка. Кстати, платок ботаник регулярно пускал в дело, старательно протирая им линзы нелепых роговых очков.

– …Нет, Игнат Петрович, никак не могу с вами согласиться! – ботаник взмахнул рукой, и лежащая на столе вилка с громким звяканьем упала на пол. – Было бы большой ошибкой считать здешний фольклор заурядным. Вы же сами знаете местные предания! Ну признайте же – они просто уникальны! У меня аж мурашки бегут по коже, как подумаю, какой грандиозный пласт информации мне предстоит поднять.

А вот голос у ботаника приятный. Если бы Аля услышала его до того, как увидела человека, которому он принадлежит, то непременно решила бы, что обладатель голоса – настоящий мачо.

– Дмитрий Сергеевич, дорогой вы мой, послушайте старика. – Со своего места лица деда Аля видеть не могла, но его тихий с присвистом голос узнала сразу. – Вы, несмотря на ваши заслуги и регалии, по сути своей еще мальчишка, склонный ко многим вещам относиться с излишним пиететом. Фольклор – это всего лишь фольклор, и приписывать народным сказкам нечто большее я бы поостерегся.

– Ах, Игнат Петрович! – ботаник снова взмахнул рукой. На сей раз разрушения должны были оказаться куда более значительными, если бы парень, тот, с которым так отчаянно и так безуспешно заигрывала мадам, вовремя не подхватил падающий со стола хрустальный бокал. Сам ботаник этого досадного происшествия, кажется, даже не заметил. Творческая личность, ну что тут поделать… – Все равно ведь дыма без огня не бывает. Неспроста же практически

у всех народов мира есть предания и сказки, в которых фигурируют драконы и прочие Змеи-Горынычи. Драконы – это что? – Он поднял вверх указательный палец.

– Что? – с явным интересом спросил Вадик.

– Драконы – это не что иное, как динозавры! Откопал средневековый человек скелет этакого монстра и тут же сочинил сказку о драконе.

– Так то ж драконы, – усмехнулся Вадик, – а тут болотный змей. Или озерный? – Он вопросительно посмотрел на Алиного деда.

– Да бог с ним – со змеем, – отмахнулся тот. – Не суть важно, где может обитать эта мифическая тварь. Гораздо важнее, почему в наших местах родилась именно такая легенда – о Василиске.

– Вероятно, по той же причине, по которой в Шотландии родилась легенда о Лохнесском чудовище, – ботаник обвел стол рассеянным взглядом и, не обнаружив своего бокала, отпил вино из бокала соседа.

Увидев это безобразие, сосед лишь иронично усмехнулся, а вот мадам не удержалась от возмущенного фырканья.

– То есть вы, милейший Дмитрий Сергеевич, хотите нас всех убедить, что в Мертвом озере обитает некий реликтовый змей, который время от времени всплывает на поверхность и пугает местных жителей? – В голосе деда отчетливо слышался сарказм.

– …Игнат Петрович! – Экономка, все это время, так же, как и Аля, внимательно слушавшая разговор, решила выйти из тени. Увлекая за собой Алю, она шагнула к столу и продолжила: – Не думаю, что подобные разговоры могут способствовать хорошему пищеварению. К тому же я выполнила вашу просьбу, – она широко улыбнулась. – Вот и виновница торжества!

Под перекрестным огнем удивленных, восхищенных и просто внимательных взглядов Аля почувствовала себя не в своей тарелке. А Елена Александровна тоже хороша, совсем не обязательно было тащить ее на всеобщее обозрение, как какую-нибудь диковинную зверушку. На нее и смотрят сейчас как на диво дивное. Может, с платьем что-то не в порядке?..

– Алевтина! – Воцарившееся с их появлением молчание нарушил дед. Тяжело опираясь на трость, он встал из-за стола и даже сделал несколько шагов по направлению к Але. – Девочка моя, ты выглядишь просто сногсшибательно!

Дед тоже выглядел… сногсшибательно. Теперь, когда Аля могла видеть его лицо, она понимала, почему он ведет жизнь затворника и сторонится света. Лица у деда практически не было: воротник-стойка закрывал подбородок, а длинные седые волосы – лоб, виски и щеки, но то, что оставалось на виду, очень трудно было назвать лицом. Покрытая чешуей, сухая кожа собиралась вокруг рта и глаз уродливыми складками, а сами глаза, казалось, принадлежали не человеку, а рептилии. Господи, что же это за болезнь такая?..

Словно почувствовав ее замешательство, дед понимающе улыбнулся, осторожно взял ее ладонь в свою, затянутую в лайковую перчатку руку, мягко, но настойчиво развернул девушку лицом к почтенной публике и, слегка поклонившись, сказал:

– Уважаемые дамы и господа, позвольте представить вам мою внучку Алевтину!

В ответ дамы и господа разразились вялыми и не слишком искренними аплодисментами. Хотя Аля успела заметить, что молодой человек в льняном костюме, тот, который так ловко спас от неминуемой гибели бокал ботаника, улыбается ей вполне доброжелательно и даже заинтересованно. А вот сам ботаник смотрит на нее поверх очков с искренним удивлением, словно все еще пытается уразуметь, кто она такая и откуда взялась.

– Пойдем, дорогая, – дед подтолкнул ее к столу, – я познакомлю тебя с нашими гостями.

Оказалось, что ей уготовано место по правую руку от хозяина. На пустующий стул с левой стороны уселась Елена Александровна. Вид у нее при этом был величественный и невозмутимый, как будто именно она являлась настоящей королевой бала. Алю этот факт нисколько не

смутил, она с превеликим удовольствием уступила бы сию сомнительную честь любому желающему. Ей вообще весь этот официоз сильно не по душе.

От невеселых мыслей Алю отвлек сосед ботаника. Оказалось, что у молодого человека не только хорошая реакция, но еще и хорошее воспитание. Он помог Але усесться за стол, а потом, не дожидаясь официального представления, отрекомендовался:

– Егор Оленин, бездельник.

Взгляд у бездельника Егора Оленина был ясный и открытый, а улыбка обаятельной, но когда в галантном поцелуе его губы легко коснулись Алиной руки, она невольно вздрогнула. Не то чтобы ей были неприятны подобные знаки внимания, наверное, она от них просто отвыкла. В любом случае ответная улыбка у нее получилась не особо приветливой.

Алину нерешительность парень расценил по-своему.

– Что, напугали вас все эти разговоры о реликтовых тварях? – Он погрозил пальцем ботанику и сказал: – А все Дмитрий Сергеевич. Ни минуты не может прожить без своих былин и сказаний.

В ответ на это обвинение ботаник расплылся в широкой улыбке, посмотрел на Алю поверх очков и, уронив под стол носовой платок, сообщил:

– Вообще-то Егор несколько гиперболизирует, но, признаюсь, есть у меня страсть к былинам и сказаниям. На то я и этнограф, чтобы увлекаться подобными вещами. Вы знаете, Алевтина, здешний край – настоящий кладезь… – деликатное покашливание Елены Александровны вернуло этнографа на грешную землю, и свою цветистую речь он закончил на удивление лаконично: – В общем, удивительные здесь места, Алевтина. А меня зовут Гришаев Дмитрий Сергеевич. Для вас можно просто Дима, – улыбка его при этом стала смущенной, а на щеках загорелся румянец, из чего Аля сделала вывод, что Гришаеву Дмитрию Сергеевичу ничто земное не чуждо, просто живет он по озвученному в известной песенке принципу – первым делом самолеты, ну а девушки потом. То есть первым делом устное народное творчество…

– Очень приятно, Алевтина, – Аля пожала протянутую руку и добавила: – Для вас можно просто Аля.

Рукопожатие у Дмитрия Сергеевича было на удивление крепкое, а ладонь – горячей и мозолистой. Оказывается, труд этнографа тоже нелегок…

– Энергичная нынче пошла молодежь, – сказал дед с полуулыбкой. – Пока я тут по своей уже в кровь въевшейся привычке пытаюсь соблюсти этикет, эти двое, – он кивнул в сторону Оленина и Гришаева, – уже успели целиком и полностью завладеть вниманием моей внучки. Прошу прощения, молодые люди, но позвольте, я все-таки познакомлю девочку и с другими гостями.

Дед улыбался, но за светской улыбкой Але чудилось тщательно скрываемое раздражение. Похоже, остальные это тоже почувствовали, потому что этнограф, пробормотав что-то невразумительное, нырнул под стол, наверное, за оброненным носовым платком и вилкой, а бездельник с улыбкой провинившегося школяра принялся изучать узор на скатерти.

– Алевтина, позволь представить тебе моего старинного приятеля, Иванова Вадима Семеновича, – дед посмотрел на толстяка, улыбнулся мадам, добавил: – И его очаровательную супругу Эллочку.

– Очень, очень приятно! – Вадим Семенович обмахнулся салфеткой и привстал со стула. – Мы с Эллочкой наслышаны о счастливом единении семьи и очень, просто несказанно, счастливы. Правда, дорогая? – он вопросительно посмотрел на супругу.

В ответ та кисло улыбнулась Алевтине и тут же отвернулась, давая понять, что муж ее сильно преувеличивает степень их заинтересованности семейными делами Алиного деда.

Реакция Эллочки Алю нисколько не удивила и совершенно не расстроила. Мадам Иванова не была женщиной, к общению с которой стоило стремиться. По быстрому взгляду, который бросила на Эллочку экономка, стало очевидно, что в своем убеждении Аля не одинока,

и если бы им с Еленой Александровной вдруг вздумалось создать военную коалицию, то у Эллочки не было бы ни единого шанса на победу.

– Ну а с моим добрым ангелом Еленой Александровной ты уже знакома, – дед накрыл своей рукой узкую ладонь экономки. В ответ та улыбнулась ему преданной и немного смущенной улыбкой.

Добрый ангел… этот возвышенный эпитет никак не вязался с «выжившей из ума экономкой», которой дед обозвал Елену Александровну днем, из чего Аля сделала вывод, что в Полозовых воротах и в самом деле есть свои подводные течения, в которых ей, похоже, еще предстоит разобраться.

– Должны подъехать еще два человека, – дед сощурился, посмотрел на каминные часы. – Утром они отправились в город и до сих пор не вернулись. К сожалению, общественный транспорт в наших краях не придерживается строгого расписания, и сказать точно, когда они почтят нас своим вниманием, не представляется возможным. Но, господа, предлагаю не предаваться унынию, а поднять наконец бокалы за здоровье моей внучки!

Предложение деда было встречено с явным энтузиазмом. Затянувшаяся официальная часть гостей, похоже, изрядно утомила, поэтому они скоренько опустошили бокалы и принялись за праздничные разносолы. Аля, которая за весь день съела лишь два эклера, вдруг осознала, как сильно проголодалась. Когда Егор положил ей на тарелку что-то непонятное, но пахнущее просто изумительно, она не стала отказываться и даже выпила целый бокал вина. Вино было вкусным, в меру сладким, в меру хмельным, как нельзя лучше подходящим для этого жаркого летнего вечера.

* * *

Пока гости отдавали должное запеченным уткам и фаршированным грибам, разговор как-то плавно переключился с фольклора на политику, которая, похоже, была любимым коньком Вадима Семеновича, потому что он сразу оживился, приосанился и даже перестал обмахиваться салфеткой. В отличие от супруга Эллочку разговоры о дефолте, кризисе и скачках биржевых индексов явно тяготили. Развлекалась она тем, что подтрунивала над Гришаевым и время от времени бросала томные взгляды на Егора. Но, как успела заметить Аля, занятие это было неблагодарным, потому что этнограф сарказма в голосе мадам Ивановой не замечал, а Егор ловко уклонялся от летящих в него амурных стрел, успевая при этом участвовать в разгоревшейся за столом полемике и развлекать Алю рассказами о том, как тяжела жизнь современного бездельника.

Вообще-то назвать его стопроцентным бездельником было нельзя. Бездельничать он начал не так давно, всего неделю назад, когда приехал в Полозовы ворота в отпуск.

– Надоели мне до чертиков экзотические курорты, – сообщил он Але заговорщицким шепотом, – каждый год одно и то же. А тут оказывается, что есть в России-матушке места не менее экзотические, но уже с нашим, российским, колоритом. Махнул в Полозовы озера, и знаете, ни одной минуты не пожалел о принятом решении. Славно здесь, спокойно. После бешеной столичной жизни лучшего отдыха и не пожелаешь. Думал, только недельку тут побуду, но решил остаться на весь отпуск. Тем более что компания подобралась приятная. Вы еще с Николаем и Толиком незнакомы. Это те ребята, которые опаздывают. – Егор плеснул Але немного вина и продолжил вводить ее в курс дела: – А ребята, между прочим, неплохие – экологи из какого-то там НИИ. Приехали изучать здешнюю уникальную экосистему. Уже вторую неделю изучают, – он озорно улыбнулся Але и отсалютовал приунывшей Эллочке бокалом вина. – Вот, поехали в райцентр за каким-то прибором и задержались. А я им, между прочим, предлагал свои услуги, хотел подбросить до города, но парни отказались, понадеялись на русский авось. Вот, теперь еще неизвестно, успеют ли к ночи домой вернуться.

– Уж пусть бы лучше в городе заночевали, чем в такое нехорошее время по здешним болотам кататься. – Оказывается, этнограф Дима внимательно прислушивался к их разговору и даже счел нужным вмешаться.

– Почему? – От выпитого вина голова сделалась легкой, а душившие Алю проблемы как-то незаметно отступили на задний план. Захотелось узнать чуть больше о Полозовых озерах.

– Как, вы не знаете?! – этнограф сорвал с переносицы очки, неспешно протер их носовым платком. – Сегодня же четвертое июня!

Егор едва заметно поморщился, но тут же широко улыбнулся и спросил:

– А что, четвертое июня – это какая-то особенная дата?

– Конечно! Особенная, и именно для этих мест. – Гришаев потянулся за бутылкой с минералкой и в который уже раз уронил на пол вилку.

– А что в этих местах такого необычного? – спросила Аля, вспоминая рассказы товарища Федора о русалках и призраке утопленницы.

Прежде чем ответить, Гришаев нырнул под стол и, вынырнув обратно с потерянной вилкой, сообщил:

– Так ведь именно в здешних озерах согласно преданию, живет Василиск, а по народному календарю четвертое июня – это Василисков день.

– Погодите, любезный, – Вадим Семенович приосанился, расправил плечи, – вот вы все говорите: Василиск – озерный змей, а ведь Василиск и не змей вовсе, – он бросил быстрый взгляд на супругу, продолжил: – Это чудище с петушиной головой и жабьим телом. И только хвост у него змеиный. Как-то не вяжется нарисованный вами образ с общепринятым.

– Не вяжется, – кивнул Гришаев. – Потому и не вяжется, что вы, уважаемый Вадим Семенович, оперируете общепринятыми категориями. А известно ли вам, что Василиск вполз в предания на змеином брюхе и до Средних веков являлся людям именно в облике змея? А нынешний его экстерьер – это, с позволения сказать, пиар-кампания, попытка средневековых баснописцев модернизировать устаревший образ, подогнать его под изменившиеся стандарты.

– А места обитания?! – Похоже, Вадим Семенович не желал сдаваться. – Ведь не станете же вы спорить, что Василиск – тварь пустынная, а никак не озерная!

– С этим не поспоришь. – Если Гришаев и смутился, то виду не подал. – Сам ломаю голову над этим феноменом. Может, миграция? – Он порывисто взъерошил и без того дыбом стоящие волосы. – Да, вот именно: миграция и акклиматизация!

Аля переводила растерянный взгляд с одного ученого мужа на другого. Это же надо: с таким запалом обсуждать места обитания и внешность существа, которого нет в природе!

– Господа, вы несколько отклонились от темы, – кажется, разговор заинтересовал не только Алю, но и ее деда. Он смотрел на Гришаева внимательным, настороженным взглядом. – Что же происходит в Василисков день?

– Он просыпается, – этнограф перешел на зловещий шепот. – Иногда ненадолго, всего на день. Иногда на недели.

– И когда этот ваш Василиск просыпается, то что тогда происходит? – озвучила Эллочка волнующий всех присутствующих вопрос.

– Ну, это зависит от того, с какой именно целью он проснулся. В разных местах все происходит по-разному.

– А в наших местах? – Это уже Елена Александровна, смотрит встревоженно, нервно вертит в руках салфетку.

– А в ваших местах Василиск просыпается от голода, – сказал Гришаев и подцепил вилкой маринованный огурчик. – То есть голод – это то чувство, которое его будит, а мотив совсем иной.

– Дмитрий Сергеевич, ну расскажите же, не томите! – не выдержал Вадим Семенович. – Что ж вы ходите все вокруг да около!

– В здешних местах Василиск просыпается потому… – Наслаждаясь всеобщим вниманием, коварный Дмитрий Сергеевич сделал многозначительную паузу. – Просыпается потому…

Договорить он не успел, потому что все до единого окна вдруг с грохотом распахнулись, а ворвавшийся в каминный зал ветер разом загасил свечи. В воцарившейся темноте, с которой безуспешно пытался бороться дотлевающий в камине огонь, раздался шорох, а затем испуганный женский вопль.

– Не бойтесь, все в порядке, – Алину ладонь накрыла горячая ладонь Егора. – Это всего лишь сквозняк. Сейчас я все исправлю.

Бесконечно долгие мгновения ничего не происходило, а потом под потолком ярко вспыхнула люстра, осветив растерянные лица сидящих за столом гостей. Кричала, как и следовало ожидать, Эллочка. Причем не успокоилась она даже после того, как Егор включил электричество: цеплялась за руку Вадима Семеновича, испуганно таращила глаза.

– Дорогая, прекрати, – Вадим Семенович успокаивающе погладил супругу по обнаженному плечу. – Видишь, это всего лишь порыв ветра. Бояться тут совершенно нечего.

– Ужас! – Эллочка перестала орать, раздраженно дернула плечом, сбрасывая руку супруга. – А все эти ваши побасенки! – она укоризненно посмотрела на Гришаева.

– Помилуйте, а я-то в чем провинился? – В отличие от остальных гостей этнограф выглядел спокойным и даже довольным. – Вы же сами просили!

– В самом деле, Элла, нельзя винить Дмитрия за природные катаклизмы, – вступился за Гришаева Егор. Он вернулся на свое место, ободряюще улыбнулся Але, а потом сказал: – Совпадение, конечно, необычное, но ведь это всего лишь совпадение. Насколько я успел заметить, оконные рамы старые, скорее всего защелки разболтались, вот и случилось то, что случилось. Я прав, Елена Александровна? – он вопросительно посмотрел на экономку.

Та повела себя довольно странно: вместо того чтобы ответить, встала из-за стола и едва ли не бегом вышла из комнаты.

– Какие впечатлительные нынче пошли барышни, – буркнул себе под нос Гришаев, сунул в рот недоеденный огурец и, едва не опрокинув стул, выбрался из-за стола.

Аля следила за его действиями внимательно и немного настороженно. Совпадения совпадениями, но почему должен проснуться Василиск, он так и не рассказал. Гришаев тем временем подошел к одному из окон и, преодолевая сопротивление ветра, закрыл его на защелку.

– Кажется, гроза собирается! – громко сообщил он, поворачиваясь лицом к почтенной публике.

Конечно, гроза! Вот и ветер потому такой сильный, а небо за окнами черное, словно глубокой ночью, – все из-за надвигающейся грозы. Аля посмотрела на каминные часы и удивилась: оказывается, скоро полночь. А она за всеми этими разговорами о местной нечисти совершенно потеряла счет времени. Взгляд соскользнул с циферблата часов на дедово лицо. Дед единственный, кто никак не отреагировал на произошедшее. Наоборот, он, казалось, вообще ничего не заметил: сидел, уронив голову на грудь, прикрыв лицо рукою. Может, и в самом деле устал, время-то позднее.

Елена Александровна вошла с той же стремительностью, с какой покидала каминный зал, только направилась не к своему месту, а прямиком к Алиному деду.

– Вот, Игнат Петрович! – она положила на стол солнцезащитные очки, и только тут Аля поняла, почему дед сидит в такой странной позе, почему не принимает участия в обсуждении случившегося – из-за яркого электрического света он просто не может открыть глаза.

– Спасибо, – дед нашарил очки, нацепил на переносицу и с несколько вымученной улыбкой сказал: – Господа, надеюсь, досадное происшествие, – он кивнул в сторону окон, – не сможет испортить чудесную атмосферу этой волшебной ночи. Егор, ну что же вы сидите?! Разливайте немедленно вино!

– А я уже! – Егор отсалютовал ему наполненным до краев бокалом. – Кстати, у меня родился тост. Давайте выпьем за то, чтобы только что проснувшийся Василиск оказался доброй и смирной зверушкой!

Гости одобрительно загудели, и только этнограф Дима, возвращаясь на место, пробубнил себе под нос что-то неразборчивое.

Аля, для которой четвертый за вечер бокал вина был уже явно лишним, попыталась незаметно отставить его в сторонку, но Егор, который умудрялся контролировать все, что происходило за столом, погрозил ей пальцем и сказал:

– Алевтина, за Василиска нужно пить до дна! Вы же не хотите разозлить нашего реликтового змея?

Честно говоря, на реликтового змея Але было наплевать, а вот на неизбежную после такого количества спиртного головную боль нет, но противостоять обаянию и напористости Оленина у нее просто не было сил. Пришлось пить.

– Так что там с нашим Василиском? – захмелевший Вадим Семенович громко икнул и требовательно посмотрел на Гришаева. – Чего ему не спится?

Этнограф, который до этого с унылым видом ковырялся в тарелке с салатом, мгновенно оживился, обвел присутствующих загадочным взглядом и спросил:

– А вам действительно интересно?

– Да говорите вы уже! – не выдержала Эллочка и покосилась на запертые окна. – Уже надоели с этим своим Василиском, честное слово!

– Эллочка! – осмелевший от вина Вадим Семенович дернул супругу за руку. – Ну позволь же Димочке раскрыть секрет здешних мест.

– А нет тут никакого секрета, – хмыкнула та. – Просто нужно как-то завлекать туристов, вот и придумали сказку про белого бычка!

– Элла, вы думаете, туристов можно привлечь такими вот страшилками? – усмехнулся Егор.

– А разве нет? – взгляд Эллочки, до этого холодный, словно февральская вьюга, значительно потеплел. – Мне кажется, если легенду упаковать в яркую обертку и как следует разрекламировать, то народ клюнет непременно. Вот вы же, Егор, приехали в Полозовы ворота.

– Я приехал в Полозовы ворота не за легендами, а за тишиной. В моем случае легенды – это всего лишь пикантное дополнение к отдыху, – Оленин перевел взгляд с Эллочки на этнографа: – Дима, ну откройте же нам наконец великую тайну здешних мест, расскажите, что нужно нашему доморощенному монстру.

Гришаев отложил вилку, протер стекла очков и только потом заговорил:

– Василиску нужно забрать долг.

– В каком смысле – забрать долг? – удивился Вадим Семенович.

– В прямом, – Гришаев водрузил очки на переносицу. – Примерно раз в триста лет Василиск просыпается, чтобы забрать то, что положено ему по договору.

– А с кем он заключал договор? – спросила Аля.

– С одной из местных жительниц – Анастасией Бежицкой.

– Бежицкой? – Егор подался вперед, посмотрел на этнографа с неподдельным интересом. – Уж не с той ли Анастасией, в честь которой названа Настасьина топь?

– Той самой, – Гришаев кивнул и тут же добавил с явным сожалением: – К несчастью, я так и не смог обнаружить записей, касающихся тех времен, и предмет договора до сих пор остается для меня тайной, но ясно одно – в обмен на какую-то услугу Василиск потребовал от Настасьи вполне конкретную плату, она должна была стать его женой.

– Ничего себе союз! – хихикнул Вадим Семенович, но, напоровшись на сердитый взгляд супруги, тут же сник.

– И что Настасья? – Разговор был до того увлекательный, что Аля не сразу заметила, что нервно теребит кончик косы. – Она согласилась?

– Похоже на то, – Гришаев кивнул.

– А это случилось до того, как она утонула в болоте, или уже после? – Аля перебросила косу через плечо.

– Вы имеете в виду время, когда был заключен договор? – этнограф нисколько не удивился ее вопросу. Наоборот, кажется, даже обрадовался. – Не могу ответить со стопроцентной уверенностью, но сдается мне, что сделка произошла, когда Настасья уже покинула этот бренный мир.

– Бред какой! – фыркнула Эллочка. – Как может змей жениться на женщине, да к тому же мертвой?!

– Ну, если принять во внимание тот факт, что мы сейчас говорим не о реальных событиях, а о легенде, то почему бы и нет? – усмехнулся Гришаев.

– Но ведь Настасья – это вполне реальный человек. Я ведь права? – Аля вопросительно посмотрела на экономку.

Прежде чем ответить, та бросила быстрый взгляд на деда и только потом заговорила:

– Согласно записям в церковной книге, старшая дочь графа Ильи Петровича Бежицкого, Анастасия, пропала без вести в тысяча семьсот девятом году.

– Пропала без вести? А товарищ Федор рассказывал, что…

Договорить Аля не успела.

– Вздор! – экономка раздраженно дернула плечом. – Алевтина, не всему, что говорит этот… товарищ Федор, можно верить. У мальчика очень буйная фантазия.

– А позвольте полюбопытствовать, что именно говорит мальчик с буйной фантазией? – вмешался в их диалог этнограф Дима.

– Сущую ерунду! – женщина посмотрела на него с явным неудовольствием. – Поверье, это не стоит нашего с вами внимания.

– Уважаемая, – Гришаев расплылся в улыбке, – в моем деле внимания заслуживает любой факт, даже самый незначительный. Уж будьте так любезны!

– Я не стану… – От такой наглости лицо экономки пошло красными пятнами. – Это порочащая род Бежицких информация!

– Елена Александровна! – Дед, до этого лишь молча слушавший препирательства экономки и этнографа, раздраженно стукнул тростью о паркетный пол. – Любой старинный род имеет свои постыдные секреты, и, к сожалению, род Бежицких в этом смысле не исключение, – он посмотрел на Гришаева и продолжил: – Анастасия Бежицкая, не желая выходить замуж за нелюбимого, покончила жизнь самоубийством. Факт этот тщательно замалчивался. Семья объявила, что девушка шла гулять к Полозовым озерам и по пути утонула в болоте. Вы же видели, какая у нас тут местность – сплошные озера да топи, а гать на болоте в те времена была ветхая и ненадежная, многие люди там сгинули.

Значит, вот как эта история звучит в дедовой интерпретации – Настасья покончила с собой, чтобы не выходить замуж за нелюбимого. Но почему же в таком случае дед умалчивает о том, что тонула девушка на глазах у своего отца и тот ничего не предпринял для того, чтобы ее спасти? Чей же рассказ правдивый: деда или товарища Федора? Если прав товарищ Федор, то получается, что фактически Настасью убил ее же собственный отец и ни о каком самоубийстве речи быть не может. Ничего не скажешь, темная история… и жуткая.

– А что там с договором? – Вадима Семеновича, похоже, фамильные тайны Бежицких волновали гораздо меньше, чем старинные предания.

– Настасья пообещала руку и сердце живущему в Мертвом озере змею в обмен на какую-то услугу, – Гришаев покосился на закрытые окна, многострадальным носовым платком стер выступивший на лбу пот и проворчал: – Жарко-то как.

А ведь и в самом деле жарко! А после того как сам же Гришаев закрыл все окна, жара стала просто невыносимой. Вон даже железная леди Елена Александровна украдкой обмахивается салфеткой. Ну что же они тут все такие пугливые?! Подумаешь, гроза! Распахнули бы окна, впустили внутрь свежий воздух!

– И как – сделка состоялась? – Егор стащил с себя пиджак, закатал рукава сорочки.

– Состоялась! – усмехнулся Гришаев. – Змей и Настасья обвенчались в Василискову ночь в маленькой деревянной церквушке.

– Позвольте усомниться в ваших словах, любезный. – Вадим Семенович последовал примеру Оленина: сбросил пиджак и сорвал с шеи платок. – Утопленница и хвостатая нечисть обвенчались в храме Господнем! Это же противоречит всем человеческим и божеским законам.

– Противоречит! – этнограф улыбнулся так, словно ждал подобного вопроса. – Вот именно по этой причине оскверненная церковь в ту же ночь ушла под воду.

– То есть как это – ушла под воду? – удивился Вадим Семенович.

– Самым натуральным образом. Церковь стояла на берегу озера. Даже не на берегу, а на полуострове, уходящем в глубь озера метров на двести. И как только Змей и Настасья обвенчались, полуостров вместе с церковью ушел под воду.

– Правда, что ли? – Вадим Семенович посмотрел на Алиного деда.

– Если вы спрашиваете меня, была ли церковь, то да – правда, – тот кивнул. – В том же тысяча семьсот девятом году что-то случилось с Мертвым озером, и полуостров со всеми постройками затопило.

– А что могло случиться с озером? – оживился Егор.

– Не знаю, – дед пожал плечами. – Может, произошел какой-то тектонический сдвиг, я не силен в таких вещах, но то, что случилось наводнение и церковь буквально смыло с лица земли, подтверждено документально.

– Здорово! – непонятно чему обрадовался Егор. – Так, значит, церковь и по сей день где-то там, на дне озера?

– Выходит, что так.

– А исследовать ее никто не пытался? Ну, нырнуть на дно с аквалангом?

– Насколько мне известно, нет. Да и какой смысл? Церковь не представляла собой особой исторической ценности. И потом, столько лет прошло, ее уже, наверное, илом занесло по самую маковку.

– Не думаю, что по самую маковку, – возразил Гришаев. – Потому что, согласно все тем же преданиям об озерном змее, раз в сто лет, аккурат в Василискову ночь, со дна Мертвого озера доносится колокольный звон.

– Ой, батенька, рассмешили вы меня! – дед и в самом деле издал звук, отдаленно напоминающий смех. – Вот хотите верьте, хотите нет, а сколько живу в Полозовых воротах, а никакого звона ни разу не слышал.

– Так, может, время еще не пришло? – сказал этнограф таким тоном, что, несмотря на жару, у Али по спине пополз холодок.

– Может, и не пришло, – легко согласился дед. – Я, конечно, уже достаточно старый, но мне еще не сто лет. Мог и не застать сие замечательное явление. Господа, – он снял очки, устало потер глаза, – надеюсь, никто не станет возражать, если мы откроем окна. Душно, господа, очень душно.

– Никто не станет возражать, – Егор встал из-за стола, направился к окнам. – Подумаешь, гроза! Что мы здесь, дети малые, чтобы грозы бояться?! – Не без усилий он распахнул окна, и в комнату в тот же миг ворвался свежий, пахнущий озоном воздух. – Надо же, и в самом деле гроза! – Егор смахнул с лица дождевые капли, всмотрелся в густую темноту за окном.

– Эх, благодать! – Вадим Семенович расслабленно откинулся на спинку стула, многозначительно посмотрел на еще практически полную бутылку вина. – А может, без грозы как-нибудь обойдется?

– Не обойдется, – заверил его Егор, и в ту же секунду, словно в подтверждение его слов, ночное небо расколола надвое яркая вспышка.

Вслед за молнией ударил гром, да так сильно, что в окнах задребезжали стекла. Впечатлительная Эллочка испуганно взвизгнула, прижалась к мужу.

– Ребята, ну давайте не будем закрывать окна! – Егор подался вперед, всматриваясь в ночное небо. – Это же ненадолго, сейчас погремит-погремит да и перестанет.

За окном опять громыхнуло, на мгновение комнату залил ослепительный белый свет. Аля невольно зажмурилась.

– Красотища-то какая! – услышала она голос Егора. – Нет, вы только гляньте, что творится! Ну идите же скорее сюда, на это стоит посмотреть!

Он был так убедителен, что разомлевшие от выпитого вина и жары гости вдруг разом решили откликнуться на его призыв – сгрудились у распахнутого настежь окна.

Аля стояла за спиной Гришаева и не могла оторвать взгляд от разворачивающегося за окном действа. Светопреставление, по-другому и не скажешь! Молнии били не просто так, молнии били прицельно – в самый центр озера. И от ударов этих озеро содрогалось, стонало и ворочалось, точно живое существо. А небо над ним из-за следующих один за другим всполохов было белое-белое, как днем. Красиво и жутко одновременно.

– Разверзлись хляби небесные, – пробормотал стоящий рядом Вадим Семенович и торопливо перекрестился. – А в доме безопасно? – он посмотрел на Алиного деда. – Как вы думаете, Игнат Петрович, не шандарахнет?

– Не шандарахнет, – усмехнулся дед. Он зачем-то снял очки и теперь болезненно щурился от каждой вспышки. – Проводка хоть и не новая, но надежная, и громоотвод имеется.

– Может, хватит любоваться на эту грозу? – заныла Эллочка. – У меня уже ноги замерзли.

– Еще секундочку, – просительно улыбнулся ей Егор. – Никогда не видел ничего подобного. Это ж Армагеддон и Апокалипсис в одном флаконе.

– Тоже скажете – Армагеддон, – Эллочка от Егоровой улыбки подобрела и уходить от окна раздумала. – Самая обычная гроза, только сильная. Я вот думаю…

– Тихо! – вдруг неожиданно грубо оборвал ее Гришаев. – Вы это слышите?!

– Что именно мы должны услышать, Дима? – спросил Егор и на всякий случай распахнул створки окна пошире.

– Обычный гром, – фыркнула оскорбленная Эллочка, – ничего особенного.

– Да помолчите же вы наконец! – цыкнул на нее этнограф и подошел к окну вплотную. – Послушайте!

Сначала ничего, кроме раскатов грома, расслышать не удавалось, но потом Але почудилось что-то необычное, выбивающееся из общей какофонии звуков. Что-то гулкое, глубокое и, кажется, ритмичное.

– Что это? – спросила она шепотом, хотя на глубинном, подсознательном уровне уже понимала, что это.

– Колокол, – Гришаев посмотрел на нее поверх очков сияющим фанатичным блеском взглядом. – Это, Алевтина, церковный колокол.

– Не может быть, – Егор отступил от окна, обернулся. – Здесь поблизости нет ни одной церкви.

– Одна есть, – этнограф улыбнулся зловещей улыбкой, а потом сказал: – Ну вот, пришло его время.

– Чье время? – Эллочка, забыв об обидах, вцепилась в его руку. – О чем вы, Дима?!

– Насколько я понимаю, Дмитрий Сергеевич говорит о том, что мы с вами, господа, стали свидетелями того, как старинные легенды обретают плоть. – Голос деда сделался совсем хриплым, а лицо его, и без того бледное, стало пепельно-серым.

А колокольный звон тем временем все набирал силу, становился громче и увереннее, заглушал громовые раскаты.

– Этого не может быть, – послышался за Алиной спиной испуганный шепот Елены Александровны. – Легенда, она и есть легенда, при чем здесь колокольный звон?

– Теперь он проснулся окончательно, – так же шепотом сказал Гришаев. – Он проснулся, и завтра мы увидим доказательства.

– Доказательства чего? – Аля перебросила косу через плечо, и бусы ледяной плетью огрели спину.

– Доказательства его существования.

В воцарившейся после этих слов тишине колокольный звон стал еще громче, еще страшнее.

– Все, Дима, довольно! – Егор приобнял Алю за плечи, и у нее не возникло даже мимолетного желания отстраниться. Слишком уж жуткой, слишком правдоподобной казалась рассказанная этой ночью история о Василиске. – Видите, своими баснями вы до смерти напугали наших милых дам. Ну нельзя же так, честное слово! – он с мягким укором посмотрел на этнографа.

– Это не я, это все легенды, – развел тот руками, а потом немного помолчал и добавил: – Но теперь я бы на месте здешних жителей поостерегся.

– Чего бы вы поостереглись? – нахмурился Вадим Семенович.

– Поостерегся появляться на болотах и купаться в озерах.

– Почему?

– Потому что, пока Василиск не получит то, зачем пришел, он не успокоится и накажет всякого, кто посмеет нарушить его покой. Это легенды так говорят, – добавил он с лукавой усмешкой.

– Гроза кончается, – Вадим Семенович вытянул шею, всматриваясь в черноту за окном. – Видите, молний больше нет, и гром стих.

– Не только гром, – Егор чуть крепче прижал к себе Алю. – Колокола тоже больше не слышно.

– Может, это какой-то акустический феномен? – предположила она. От Егора вкусно пахло дорогим одеколоном, и в объятиях его было совсем не страшно. Даже россказни этнографа Димы не казались такими уж жуткими.

– Или чей-то розыгрыш, – Вадим Семенович многозначительно приподнял кустистые брови. – Дмитрий Сергеевич, признайтесь, голубчик, что это ваших рук дело. А что, очень ловко у вас получилось: сначала напугали нас байками о змее, а потом организовали это маленькое представление. Браво! – он несколько раз громко хлопнул в ладоши. – А теперь рассказывайте, где вы его спрятали?

– Что он спрятал, Вадик? – Эллочка вопросительно посмотрела на супруга.

– Как что?! – Вадим Семенович приосанился. – Магнитофон!

Магнитофон! Ну конечно! Аля вздохнула с облегчением. Ведь нет ничего проще, чем спрятать где-то поблизости от дома магнитофон, а в самый кульминационный момент включить его. Ай да Димочка! Ну кто бы мог подумать?!

– Прошу прощения, – Гришаев развел руками, – я бы и рад развлечь почтенную публику, но посудите сами, как я мог включить магнитофон, если все это время находился рядом с вами?

– С помощью пульта дистанционного управления, – усмехнулся Егор. – А ну-ка, Дмитрий Сергеевич, выворачивайте карманы! – он подмигнул Але. – Сейчас мы вас выведем на чистую воду, затейник вы наш!

Здесь Гришаеву стоило бы рассмеяться, покаяться в грехах и выложить на стол пульт, но вместо этого он набычился, отступил на шаг и хмуро сказал:

– Нет у меня никакого пульта!

– Ну, а раз нет, так вам и бояться нечего! – включилась в игру Эллочка. – Выворачивайте карманы! – она решительно шагнула вперед, протянула руку к одному из бесчисленных карманов Диминой жилетки.

От этакой наглости тот потерял дар речи, раздраженно шлепнул мадам Иванову по руке и резво отскочил в сторону.

– Прекратите немедленно! – В голосе его слышалось негодование и еще что-то неидентифицируемое, но наводящее на определенные размышления.

– Значит, все-таки это ваших рук дело! – сказала Эллочка и скосила глаза на Оленина. – Видите, Егор, раз наш доморощенный фольклорист не позволяет себя обыскать, значит, ему есть что скрывать.

– Нечего мне скрывать! – огрызнулся Гришаев и попятился к столу. – Просто я не люблю, когда со мной вот так, бесцеремонно. Я же вам уже сказал, что нет никакого магнитофона и пульта никакого тоже нет!

– Ну, нет так нет, – Егор в жесте примирения поднял вверх обе руки. – Давайте-ка лучше вернемся к столу. Вон и вино еще осталось, которое грех не допить.

Вино, безусловно вкусное, заслуживало самого пристального внимания, но ужин, увы, был безнадежно испорчен. Ни у кого из гостей не получалось расслабиться, каждый из них нет-нет да и всматривался в темноту за окнами, прислушивался, не зазвонит ли опять на Мертвом озере колокол. Колокол не звонил, темнота была самой обычной, все страшные истории уже рассказаны, и, как-то не сговариваясь, гости начали расходиться по своим комнатам.

* * *

Несмотря на хлопоты минувшего вечера и пережитое потрясение из-за выходки коварного Дмитрия Сергеевича, спать хотелось просто невероятно. Наверное, сказывалась усталость от проделанной дороги и четыре бокала вина. Аля даже не стала принимать душ, сил хватило лишь на то, чтобы расплести косу, переодеться в ночную сорочку, расстелить постель и проверить, хорошо ли заперто окно. Пусть рассказы про Василиска – это всего лишь легенда, но спать с открытым окном все равно как-то боязно. Она уснула сразу, едва только голова коснулась подушки, провалилась в глубокий сон…

…Звук был настойчивый и совершенно чуждый Алиному сну – скрипучий, отзывающийся надсадной болью в висках. Избавиться от него можно было лишь одним способом – проснувшись. Аля, не открывая глаз, села в кровати, прислушалась. Вдруг этого окажется достаточно, чтобы назойливый звук исчез. Тогда не придется открывать глаз, а можно будет снова с головой нырнуть в сон.

Полумеры не помогли – постукивание сделалось еще громче, еще настойчивее. Пришлось открыть глаза, встать с постели.

В комнате царил полумрак: уже не полуночная темнота, но еще и не полноценные предрассветные сумерки. Что-то среднее – серебристо-дымчатое, кисейное, размывающее очертания окружающих предметов, делающее знакомые вещи непривычными. Прогоняя остатки сна, Аля тряхнула головой, отбросила с лица волосы. От кровати прямо к окну стелилась яркая лунная дорожка. Вот почему свет такой серебристый – из-за луны. Аля ступила на дорожку, босым ногам тут же стало холодно. Странно, окно закрыто, а по полу тянет сыростью…

…Окно не было закрыто. Створки его, распахнутые настежь, ритмично постукивали на ветру. Вот откуда этот разрушивший ее сон звук. Все из-за открытого окна. С этой мыслью Аля проснулась окончательно. Как может быть открыто окно, которое она своими собственными

руками запирала на ночь?.. Из-за ветра? Да не может такого быть! Она проверяла – задвижки на окне были основательными и надежными, открыться сами собой они не могли. Значит, не сами собой…

Холод, который до этого лишь слабо покусывал босые ноги, поднялся выше, забрался под сорочку, облапил горячее со сна тело. Окно открыто не потому, что она его плохо закрыла, оно открыто потому, что, пока она спала, кто-то его открыл и впустил в комнату этот пронизанный серебряным светом холод.

– Алевтина… – голос был тихий, едва различимый. – Алевти-и-ина…

От страха в глазах потемнело, лунный свет померк, и в комнате тут же сгустился мрак. Аля попятилась к двери, дернула за ручку – заперто. Конечно, заперто, она же сама и заперла дверь, точно так же, как окно…

– Алевтина…

А свет померк не сам по себе. Он померк оттого, что его заслонила женская фигура.

Женщина стояла по ту сторону окна, прижимала ладони к запотевшему стеклу и не решалась войти внутрь. Она была страшной – эта незваная ночная гостья. С лицом, бледным и застывшим, с огромными черными глазами, спутанными волосами, такими же длинными, как у Али, в насквозь мокрой, точно саван, обвивающей тонкое тело сорочке.

– Впусти меня… – Ладони с разрывающим барабанные перепонки скрипом заскользили по стеклу. – Впусти-и-и…

Аля затрясла головой, прогоняя наваждение прочь. Она еще не проснулась, она спит и видит сон во сне. Так иногда бывает, она о таком читала.

– Он придет за тобой… скоро. Берегись! – Ладони соскользнули со стекла, плетьми повисли вдоль тела. Наваждение не исчезло, оно смотрело на Алю черными дырами глазниц и скалилось в жуткой усмешке. – Я пообещала, и он придет, – наваждение отступило от окна, погрозило Але пальцем. – Договор нельзя нарушить… – Еще шаг – и белое платье-саван почти растворилось в лунном свете.

Это было жутко – наблюдать, как ночная гостья сизым туманом стелется над тропинкой, приближается к озеру, погружается в озеро, исчезает… Настолько жутко, что Аля смогла закричать, только когда призрак пропал окончательно… Она стояла перед неплотно закрытым окном, которое, однако, смогло стать непреодолимой преградой для призрака, хватала ртом холодный ночной воздух и уже не кричала, а, закрыв лицо руками, тихо всхлипывала.

В дверь постучались – громко и настойчиво.

– Алевтина, с вами все в порядке?! – Голос был знакомый, вот только она никак не могла вспомнить, чей он. – Аля, откройте дверь!

Да, дверь нужно открыть. Какой прок от запертой двери, если любой желающий может войти в окно? Или не может?..

– Алевтина, если вы не откроете, мы ее выломаем! – А это уже другой голос, тоже знакомый…

Дверь содрогнулась под мощным ударом.

– Алевтина!

Этот удар и этот требовательный крик вывели наконец ее из ступора. Прежде чем дверь слетела с петель, Аля успела повернуть ключ в замочной скважине и отскочить в сторону.

В коридоре стояли двое, те, чьи голоса с испугу она никак не могла идентифицировать. Егор Оленин впереди, Гришаев чуть поодаль. Оба смотрели на нее растерянно и испуганно.

– Алевтина, вы в порядке? Что тут у вас случилось? – Егор переступил порог, обнял трясущуюся Алю за плечи, развернул лицом к себе, сказал встревоженно: – Вы так кричали, даже у нас на втором этаже было слышно.

– Дурной сон? – В комнату заглянул всклокоченный Гришаев. В дурацкой полосатой пижаме выглядел он еще нелепее, чем за ужином.

– Дима, какой, к чертовой матери, дурной сон! – рявкнул Егор, внимательно всматриваясь в Алино лицо. – Где вы видели, чтобы со сна так кричали? Алевтина, вы не ушиблись? – убедившись, что с лицом у нее все в порядке, он развернул ее спиной, покрутил и так и этак, точно она не человек вовсе, а заводная кукла.

Эти его бесцеремонные прикосновения вдруг окончательно привели Алю в чувства. Да что же это такое? Да как же так можно? Она растрепанная, почти голая, в полупрозрачной ночной сорочке, а эти двое топчутся бесцеремонно в ее комнате, вертят ее, рассматривают…

Оттолкнуть Егора сразу не получилось, он крепко держал ее за плечи и выпускать из объятий не торопился.

– Пустите же! – она дернулась, оступилась и едва не упала.

– Осторожненько! – Оказывается, не упала она лишь потому, что из Егоровых объятий очутилась в лапах Гришаева. И как только подкрался!

– И вы пустите! – чувствуя, что еще чуть-чуть – и с ней случится самая настоящая истерика, Аля вырываться от Гришаева не стала, затаилась, крепко зажмурилась, собираясь с мыслями и силами, а потом тихо, но решительно сказала: – Господа-товарищи, я ценю вашу заботу, но не могли бы вы на минуточку выйти, чтобы я смогла одеться?

Получилось несколько витиевато, но зато действенно, потому что, когда она снова открыла глаза, то первое, что увидела, – это смущенное лицо Гришаева. Сейчас, вблизи, лицо его было вовсе не старым, как показалось ей при первой встрече. Горе-этнографу было лет тридцать – тридцать пять, а старили его эти дурацкие очочки и архаичные одежки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.